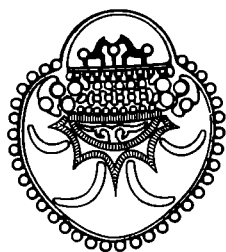

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1967

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

АРХЕОЛОГИЯ ТАДЖИКИСТАНА ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В 1868 г., когда русские войска продвинулись в центр древнего Согда, один из русских востоковедов разработал план историко-археологического изучения Средней Азии. В 1914 г., говоря об этом плане, В. В. Бартольд отмечал: «... научные задачи, намеченные почти полвека тому назад, до сих пор остаются неисполненными»¹.

Конечно, в историко-археологическом исследовании Средней Азии в конце XIX—начале XX в. имел место безусловный прогресс, и он был прежде всего связан с именем самого В. В. Бартольда, а также В. В. Григорьева, Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского и др., деятельностью многих научных и научно-краеведческих учреждений, особенно «Туркестанского кружка любителей археологии»². Историческая география, древняя и средовековая история и нумизматика Средней Азии разрабатывались также и зарубежными исследователями.

О том, что на территории Таджикистана имеются замечательные памятники, свидетельствовал найденный местными жителями на юго-востоке Таджикистана «Аму-Дарьинский клад», вещи которого попали в Британский музей³. Но археологические работы до революции в Таджикистане почти не проводились. Фактически основная часть территории современной Таджикской ССР оставалась в археологическом отношении неизученной.

Положение коренным образом переменилось после Великой Октябрьской революции. 14 ноября 1920 г. В. В. Бартольд выступил в Ташкенте с докладом «Ближайшие задачи изучения Туркестана», в котором охарактеризовал уровень исторических и археологических знаний и сформулировал первоочередные задачи в области изучения археологии Средней Азии⁴. С тех пор прошло ровно столько времени, сколько и между 1868 и 1914 гг. Но если до революции самые скромные наметки оказались невыполненными, то сейчас успехи в археологическом изучении Средней Азии бесконечно превзошли программу, намеченную В. В. Бартольдом в 1920 г. (рис. 1).

Первоначальные шаги археологии в Таджикистане были очень трудными. Помимо общих проблем, стоявших перед советской археологией, положение осложнялось тем, что не было дореволюционной научной археоло-

¹ В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Отчет о деятельности Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1914 год. П., 1915.

² Б. В. Лукин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. ТКЛА, Ташкент, 1958; Б. А. Литвинский. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. ИООН АН ТаджССР, 14, Сталинабад. 1957.

³ И. Голстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. 2, СПб., 1889; О. М. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1905; Т. И. Зеймаль, Е. В. Зеймаль. Еще раз о месте находки Аму-Дарьинского клада. ИООН АН ТаджССР, 1 (28), Душанбе, 1962.

⁴ В. В. Бартольд. Ближайшие задачи изучения Туркестана, «Наука и просвещение», 1922, 2.

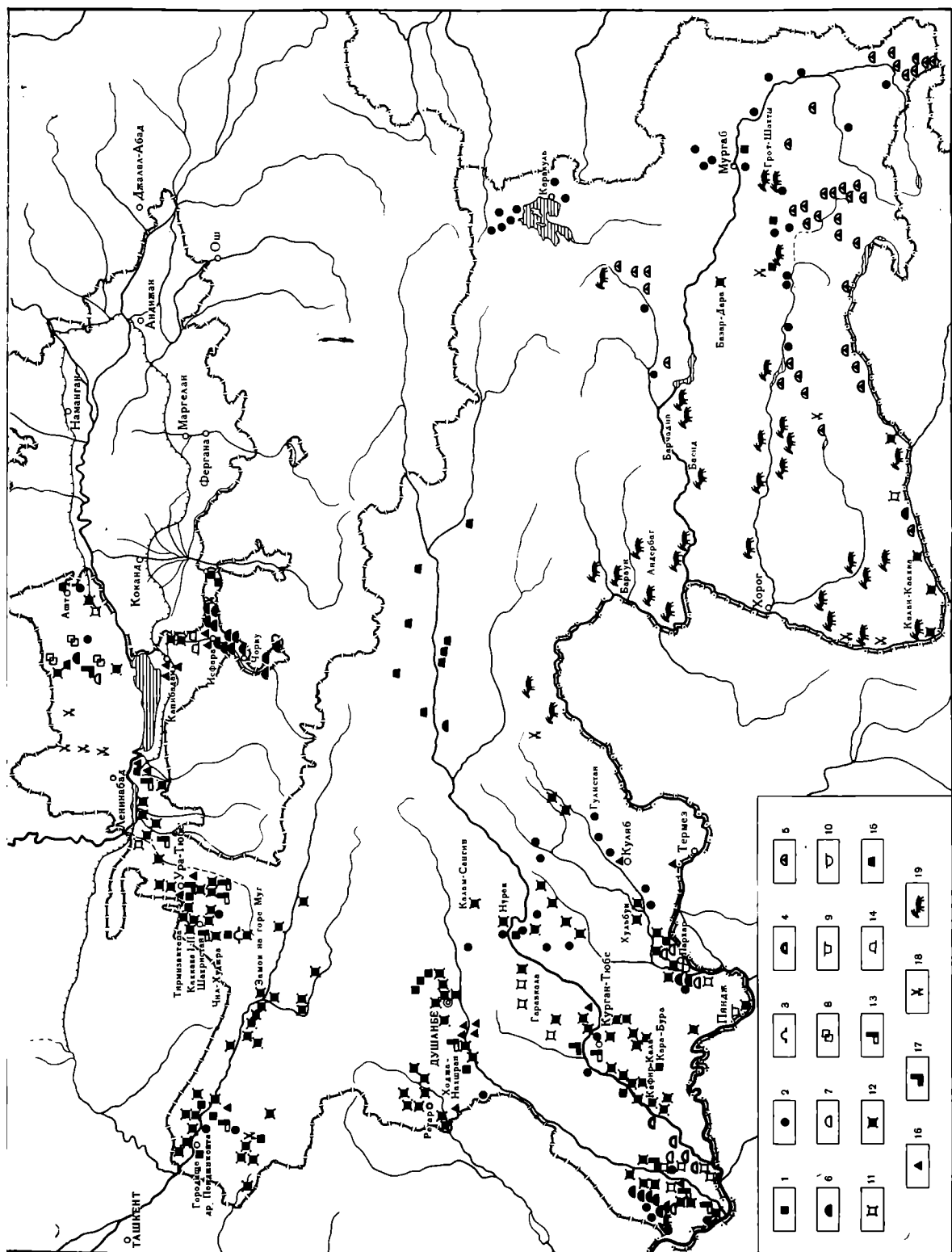

Рис. 1. Археологическая карта Таджикской ССР

1 — палеолит, 2 — мезолит и неолит, 3 — на-
весы, пещеры, 4 — кур-
ганы эпохи бронзы, 5 —
сакские курганы, 6 — ку-
шанские и тюркские
курганы, 7 — курганы
не, датированные, 8 —
курганы, мугхона, 9 —
групповые могилы, 10 —
поселения раннего
железа, 11 — античные
поселения, тепе, горо-
дища, 12 — средневеко-
вые городища, 13 —
группа тепе средневеко-
вые, 14 — средневеко-
вые замки, 15 — поздние,
средневековые крепости,
16 — средневековые ар-
хитектурные памятни-
ки, 17 — многослойные
тепе, 18 — древние руд-
ники, 19 — наскальные
изображения

гической традиции, а существовала сильная, принесшая много пользы, но все-таки краеведческая традиция. Поэтому до начала 30-х годов краеведческий уклон в значительной мере продолжал характеризовать работы археологов не только Таджикистана, но и всей Средней Азии. Этот процесс становления среднеазиатской археологии продолжался до второй половины 30-х годов, когда начинают работу несколько крупных археологических экспедиций. Наибольшее значение имели две из них — Хорезмская, которой руководил С. П. Толстов, и Семиреченская, работавшая под руководством А. Н. Бернштама. Они не только осуществили комплексное многолетнее изучение памятников обширных территорий, но и открыли новые горизонты в изучении древней истории Средней Азии. В это же время организуются экспедиции для изучения отдельных объектов (Каунчи-тепе и Тали-Барзу — Г. В. Григорьев, Айртам и Термез — М. Е. Массон, Хива — Н. Г. Гулямов) или небольших территорий (средняя часть Зеравшанской долины — А. Ю. Якубовский, западная часть Бухарского оазиса — В. А. Шишкин и др.).

Археологическое изучение Таджикистана за советское время делится на четыре периода⁵.

Первый период (1917—1928 гг.). Интенсивность новых археологических исследований по сравнению с дореволюционными временами значительно выросла. В археологическом изучении принимают участие не только отдельные ученые, но и специально снаряженные экспедиции.

В 20-е годы этнограф и лингвист М. С. Андреев опубликовал сведения об открытых им в долине Зеравшана средневековых памятниках резной деревянной архитектуры. Появляется первая сводка археологических памятников Средней Азии, составленная А. А. Семеновым.

Второй период (1929—1945 гг.) имели место значительные успехи в общем археологическом изучении Таджикистана. Выявлено много ранее неизвестных памятников (преимущественно краеведами, особенно В. Р. Чейлытко). Изучаются история горного дела (М. Е. Массон и П. П. Иванов) и памятники кочевников (Б. А. Латынин). Первоклассное научное значение имели результаты проведенной в 1933 г. под руководством А. А. Фреймана экспедиции, связанной с открытием местными жителями памятников письменности в развалинах замка на горе Муг. Впервые на родине согдийцев были найдены документы на согдийском языке. Их последующая расшифровка и исследование дали чрезвычайно важный материал по политической, социально-экономической и культурной истории Согда и всей Средней Азии накануне и в период арабского нашествия⁶.

Третий период (1946—1951 гг.). Громадное значение в деле археологического изучения Таджикистана сыграла многолетняя Согдийско-Таджикская (с 1952 г. — Таджикская) археологическая экспедиция. В 1946 г. при возникновении этой экспедиции ИИМК АН СССР и Эрмитажа ее начальником был назначен один из крупнейших советских востоковедов и археологов Средней Азии А. Ю. Якубовский, возглавлявший экспедицию до своей смерти в 1953 г. Заслуги его в области археологии Таджикистана огромны. Были начаты раскопки в Пенджикенте. В экспедиции участвовали такие известные археологи, как М. М. Дьяконов (умер в 1954 г.), А. М. Беленицкий, А. П. Окладников, А. И. Тереножкин и др., а также многочисленная молодежь. С 1955 г. Таджикскую экспедицию

⁵ Подробный обзор развития археологии в Таджикистане за 1917—1950 гг. см. Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Тр. АН ТаджССР, XXV, Сталинабад, 1954, стр. 81.

⁶ Согдийский сборник. Л., 1934; А. А. Фрейман. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, 1962 (Согдийские документы с горы Муг. I, М.); В. А. Лившиц. Юридические документы и письмо. Согдийские документы с горы Муг. II, М., 1962; М. Н. Боголюбов и О. И. Смирнова. Хозяйственные документы. Согдийские документы с горы Муг. III, М., 1963.

возглавляет А. М. Беленицкий. На территории Таджикистана проводила работы и Памиро-Ферганская экспедиция (начальник А. Н. Бернштам).

Четвертый период (после 1952 г.). В 1951 г. была образована Академия наук Таджикской ССР, в составе которой Институт истории, археологии и этнографии (ныне Институт истории им. А. Дониша) со специальным сектором археологии и нумизматики, начавший функционировать с 1952 г. Это было первое археологическое учреждение в республике. Сейчас сектор насчитывает почти 25 сотрудников, реставрационно-технологическую лабораторию и прекрасно оборудованную археологическую базу в Пенджикенте. Вот уже 15 лет сектор археологии и нумизматики является научным и организационным центром археологических исследований, а полевые работы проводятся единой Таджикской археологической экспедицией (начальник — А. М. Беленицкий, заместитель — Б. А. Литвинский). Тесная и повседневная координация с центральными научными учреждениями осуществляется здесь на практике. Результаты полевых исследований систематически публикуются в совместных трудах: АН ТаджССР издает сборники «Археологические работы в Таджикистане»⁷, АН СССР и АН ТаджССР — «Труды» экспедиции⁸, а также издаются специальные сборники и монографии.

Определились основные направления научно-исследовательской работы: 1) историческая география, историко-археологические обзоры, археологическая карта; 2) памятники каменного и бронзового века; 3) исследование памятников оседлого населения с древнейших времен до позднего средневековья (особое внимание обращается на изучение раннесредневекового города и культуры); 4) изучение памятников древних и средневековых кочевников; 5) история и технология средневекового горного дела и ремесла; 6) эволюция материальной культуры; 7) археология и проблема этногенеза таджикского народа; 8) средневековая нумизматика. Разумеется, мы можем остановиться на результатах проделанной работы лишь в самых общих чертах.

Основы исторической географии Таджикистана были заложены трудами В. В. Бартольда, а также В. Томашека, И. Маркварта, В. В. Минорского. Сейчас настало время для детальных историко-географических исследований по отдельным областям и районам. В 1950 г. А. М. Беленицкий опубликовал обширный очерк, в котором освещены вопросы исторической географии Хутталя с древнейших времен до X в.⁹ Насыщенная большим количеством фактов работа А. М. Беленицкого выходит за рамки историко-географического исследования, являясь одновременно и краткой историей Хутталя. То же самое можно сказать и про работу А. М. Мандельштама по Памиру¹⁰. Следует также упомянуть работу Н. Н. Негматова по

⁷ Вышло девять выпусков: Археологические работы в Таджикистане в 1953 г. в. 1, Сталинабад 1954; Археологические работы в Таджикистане в 1954 г. в. 2, Сталинабад, 1956; Археологические работы в Таджикистане в 1955 году. в. 3, Сталинабад, 1956; Археологические работы в Таджикистане в 1956 году, в. 4, Сталинабад, 1959; Археологические работы в Таджикистане в 1957 году, в. 5, Сталинабад, 1959; Археологические работы в Таджикистане (1958 год), в. 6, Душанбе, 1961; Археологические работы в Таджикистане (1959 год), в. 7, Душанбе, 1961; Археологические работы в Таджикистане (1960 год), в. 8, Душанбе, 1962; Археологические работы в Таджикистане (1961 год), в. 9, Душанбе, 1964. Ежегодники в дальнейшем циркулируют: АР.

⁸ Напечатано пять томов (I—V), Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. I, МИА 15, 1950; Тр. Таджикской археологической экспедиции. II, МИА, 37, 1953; Тр. Таджикской археологической экспедиции III МИА 66, 1958; Тр. Таджикской археологической экспедиции. IV, МИА, 124, 1964; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. Тр. Тадж. археол. эксп. V, МИА, 136, 1966.

⁹ А. М. Беленицкий. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. Тр. ТАЭ, I.

¹⁰ А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Тр. АН ТаджССР, 53.

Усрушане¹¹, О. И. Смирновой и Б. Я. Ставиского по Верхнему Зеравшану¹².

Накопление материала позволило подойти и к созданию историко-археологических очерков отдельных районов республики, базирующихся на комплексном использовании материалов археологических раскопок, сведений письменных источников и других. Некоторые из них изданы¹³, другие готовятся к печати. Историческая география широко освещена в I томе «Истории таджикского народа», где исследованы вопросы, связанные с местоположением Кирополя, Александрии Эсхаты и др. Много исторических построений и спекуляций о пределах ахеменидских владений в Средней Азии основано на наличии в древней топонимике северного Таджикистана Кирэсхаты-Кирополя (современный город Ура-Тюбе). Однако этот топоним может быть связан не с именем ахеменидского царя, а с близко звучащим местным названием¹⁴ и т. д.

Первые работы, явившиеся по существу началом исследования каменного века Таджикистана, были проведены А. П. Окладниковым в 1948 г.¹⁵ С 1953 г. А. П. Окладников провел семь полевых сезонов. Было открыто палеолитическое местонахождение в Кайрак-Кумах¹⁶, проведены раскопки верхнепалеолитической стоянки Ходжа-Гор, неолитического поселения Куй-бульен и исследование новой, чрезвычайно интересной культуры горного неолита-гиссарской¹⁷. Работы А. П. Окладникова не только показали, что на территории Таджикистана жили люди каменного века, но и заложили основу наших представлений о их культуре и характерных особенностях.

С 1955 г. исследования каменного века Таджикистана проводит также и В. А. Ранов. Он сделал ряд важных открытий: на Восточном Памире нашел самые высокогорные в мире стоянки каменного века, открыл чрезвычайно своеобразную ранненеолитическую культуру¹⁸. Интересные материалы принесли раскопки многослойного навеса Ак-Танги в Северном Таджикистане, где вскрыто 14 культурных слоев, охватывающих время от мезолита до позднего средневековья¹⁹.

В. А. Ранов открыл и исследовал мустьерские памятники Кара-Бура, Ак-Джар²⁰, Джар-Кутан и др. Благодаря совместным с геологами работам впервые для Средней Азии в Таджикистане была осуществлена

¹¹ Н. Н. Негматов. Усрушана в древности и в раннем средневековье. 1957 (АН ТаджССР, Тр., т. 55); его же. Географы IX—XII вв. о Ходженте и его области. ИООН АН ТаджССР, 8, 1956.

¹² О. И. Смирнова. Вопросы исторической топографии и топонимии верхнего Зеравшана. Тр. ТАЭ, I; Б. Я. Ставиский. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины (до арабского завоевания). ИМКУ, I, Ташкент, 1959.

¹³ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН ТаджССР, XXXV, 1955; М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. Тр. ТАЭ, 1.

¹⁴ Это предположение высказал еще Э. Херцфельд: E. Herzfeld. Sakastan. Archaeologische Mitteilungen aus Iran. IV, 1. Berlin, 1931, стр. 14, примеч. 1; позже лингвистический анализ привел Бенвениста к такому же выводу: E. Benveniste. La ville de Cyreschata. JA, CCXXXIV, 1943—1945. Paris, 1947, стр. 163—164. Об ареале соответствующего этнонима и топонима. ИТН, I, стр. 428; W. E. Eilers. Kyros. Beiträge zur Namenforschung. XV, 2. Heidelberg, 1964, стр. 180—236.

¹⁵ А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана. Тр. ТАЭ, III.

¹⁶ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Тр. ИИ, XXXIII, 1962, стр. 3—88; развернутую рецензию на эту монографию см.: G. Glaeser. «East and West», нов. сер., XV, 3—4, 1965, стр. 323—329.

¹⁷ А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г. АР, VI.

¹⁸ В. А. Ранов. Стоянка Каратумшук. КСИИМК, 80, 1960; его же. Рисунки каменного века в гроте Шахты. СЭ, 1961; его же. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.). Тр. ТАЭ, V.

¹⁹ Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. АР, VII; их же. Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. АР, IX.

²⁰ В. А. Ранов. Два новых памятника каменного века в Южном Таджикистане. АР, VIII, стр. 130—135.

привязка памятников каменного века к стратиграфическим подразделениям плейстоцена²¹. Все эти работы позволили создать первую периодизацию палеолита Таджикистана и Средней Азии²².

Мы не можем пока обосновать непрерывную линию развития культур каменного века Таджикистана. Но можно твердо сказать, что уже с мустьерского времени, а может быть и раньше, в Средней Азии и в Таджикистане существуют автохтонные культуры, развивающиеся самостоятельно, хотя на разных этапах своего развития они испытывают влияние и имеют прямое соприкосновение с носителями одновременных культур прилегающих областей. Не приходится сомневаться в том, что гиссарская культура является одним из компонентов сменившей ее кайрак-кумской культуры степной бронзы.

Были выявлены и исследованы памятники бронзового века. Изделия эпохи ранней бронзы из Центрального и Южного Таджикистана в 1948 г. опубликовал А. И. Тереножкин²³. А. П. Окладников открыл в Кайрак-Кумах первые в Таджикистане поселения эпохи бронзы и раннего железа. Детальное изучение их было проведено Б. А. Литвинским. Исследование поселений, рудоплавильных центров, могильников (свыше 60 пунктов) позволило датировать эти памятники временем от середины II тысячелетия до н. э. до первых веков I тысячелетия до н. э. В эпоху бронзы в Фергане, как, быть может, и в соседней Ташкентской области, проживали племена кайрак-кумской культуры — местного варианта андроновской культуры. В эту эпоху здесь располагался один из важнейших среднеазиатских металлургических центров. Степняки — кайрак-кумцы находились в тесном контакте с оседлыми земледельцами²⁴. Интересные данные по бронзовому веку Северного Таджикистана получены также при раскопках пещеры Ак-Тангы.

Находки из районов Центрального и Южного Таджикистана, а также Памира, лишь в незначительной степени связаны с северными степными культурами, в основном же они указывают на южное и юго-западное направление культурных связей — с культурами первобытных земледельцев²⁵. В этом отношении особое место занимает кинжал из Рамита²⁶.

На юге Таджикистана в эпоху поздней бронзы существовали поселения степной бронзы. Одно из них недавно было открыто в Вахшской долине, близ г. Курган-Тюбе. В низовьях Кафирнигана при раскопках могильников в Бишкентской долине А. М. Мандельштам обнаружил захоронения эпохи поздней бронзы, которые он связывает с передвижениями степных племен²⁷.

В низовьях рек Вахш и Кизыл-Су, как и р. Кафирниган, впадающих в Пяндж, обнаружены обширные могильники с катакомбными могилами разных типов (нами вскрыто 170 курганов). Скорченные захоронения

²¹ В. А. Р а н о в. Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии. Сб.: «Основные проблемы изучения четвертичного периода СССР», М., 1965.

²² В. А. Р а н о в. Каменный век Таджикистана. I. Палеолит. Душанбе, 1965; его же. О связях культур палеолита Средней Азии и некоторых стран зарубежного Востока. Доклады VII Международного Конгресса антропологич. и этнографических наук. М., 1964.

²³ А. И. Т е р е н о ж к и н. Археологические находки в Таджикистане. КСИИМК, XX, 1948.

²⁴ А. П. О к л а д н и к о в. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. АР, II, стр. 7—12; Б. А. Л и т в и н с к и й. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. КСИИМК, 80, стр. 47—52; его же. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов. В кн.: Б. А. Л и т в и н с к и й, А. П. О к л а д н и к о в, В. А. Р а н о в. Древности Кайрак-Кумов, Душанбе, 1962, стр. 91—300.

²⁵ Б. А. Л и т в и н с к и й. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. ИООН АН ТаджССР, I (24). 1961, стр. 59—62.

²⁶ Б. А. Л и т в и н с к и й. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). Сб.: «Индия в древности», М., 1964, стр. 144—148, 160, рис. 10.

²⁷ А. М. М а н д е л ь ш т а м. Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.

сопровождаются керамикой, бронзовыми изделиями, костяными и каменными наконечниками стрел. Инвентарь погребений, особенно сосуды, чрезвычайно близки посуде Южной Туркмении эпохи Намазга VI, афганистанской типа Мундигак V—VI и керамике из позднебронзовых памятников Ирана. Происхождение этой культуры остается вместе с тем неясным. Имелась ли тут генетическая связь? На данном уровне наших знаний о бронзе этих областей Средней Азии нельзя исключить гипотезу о переселении в среднеазиатское междуречье к середине II тысячелетия до н. э. крупной группировки племен из Южной Туркмении или других областей раннеземледельческой культуры. Это переселение должно было быть поэтапным и было связано с изменением хозяйственного уклада и образа жизни, но что должны были повлиять тесные контакты с племенами степной бронзы.

Не исключено, что это было одно из тех передвижений, которые сопутствовали «арийскому» завоеванию Индии. С другой стороны, вхождение в последующее время Маргианы в состав Бактрии можно теперь рассматривать не только как политическое, но и историко-культурное объединение. Еще более существенно, что представленная в изученных нами могильниках «вахшская культура» явилась одним из важнейших компонентов в развитии в дальнейшем древнебактрийской культуры и цивилизации. Исследование памятников эпохи бронзы и раннего железа показывает, что Средняя Азия в ту эпоху достигла чрезвычайно высокого уровня культурного развития, была теснейшим образом связана с культурами древневосточных народов и являлась своеобразным передатчиком их культурных достижений в Центральную Азию, Казахстан и Сибирь.

Благодаря работам С. П. Толстова, А. И. Тереножкина и В. М. Массона история Средней Азии в раннежелезном веке, когда во многих областях Средней Азии появилось классовое общество и государственные образования, начинает проясняться. Многие в этом отношении дали материалы из проведенных М. М. Дьяконовым раскопок в низовьях Кафирнигана, на городище Калаи-Мир²⁸. Культура нижнего слоя этого памятника, названная им Кобадан I, датируется VI—IV вв. до н. э. и частично относится еще ко времени существования доакхменидского Бактрийского царства²⁹. М. М. Дьяконов исследовал материалы периода Кобадан I в широком историческом контексте. Новые данные для характеристики поздних этапов этого периода получены Т. И. Зеймаль при раскопках Балдай-Тепе в Вахшской долине (около Курган-Тюбе). Постепенно начинает рассеиваться туман, окутывавший историю древней Бактрии, которую Авеста в I фаргарде «Видевдата» характеризовала как «прекрасную».

М. М. Дьяконову также принадлежит заслуга создания первой стратиграфической колонки развития северобактрийской керамики. Сейчас эта схема, разумеется, требует значительных исправлений. Особенно внушительный новый материал был получен коллективом Южно-Таджикского отряда при раскопках яванского городища Горав-Кала. Здесь был осуществлен большой стратиграфический раскоп, прорезавший десятиметровую толщу культурных напластований со множеством строительных периодов I—IV вв.

В Пархарском районе Х. Мухитдинов начал раскопки городища Саксан-Охур. Обнаружены печи для обжига терракот и керамики, найдены матрицы для формовки статуэток и самые статуэтки. Серьезный интерес

²⁸ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан) (1950—1951 гг.). Тр. ТАЗ, II, стр. 272—275, 279—282; Н. Н. Заболина. Раскопки на городище Калаи-Мир. Там же.

²⁹ М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, 1954.

представляет открытие части парадного кушанского здания с полом из каменных плит. Здесь найдены стволы баз из мергелистого известняка, коринфского облика капители и аттические базы³⁰. Первоклассная по своим художественным достоинствам капитель обнаружена на городище Шахринау. Детали архитектуры из Саксан-Охура напоминают Сурх Котал. Открытия французской миссии в Афганистане (Ой-Ханум) позволяют реально исследовать генезис эллинизированных форм и типов архитектуры в Афганистане и Средней Азии и понять их дальнейшее развитие, зафиксированное, в частности, находками на Саксан-Охуре и др.

Одна из задач состояла в исследовании древней фортификации. Развитие ее и специфические особенности древней фортификации хорошо прослеживаются на памятниках Бактрии³¹ (рис. 2). Изучение памирских крепостей выявило в Средней Азии особую школу горного крепостного строительства³². Ведется большая работа по изучению эволюции древней и раннесредневековой керамики Бактрии.

Т. И. Зеймаль установила динамику ирригационных систем одного из важнейших земледельческих районов Таджикистана — Вахшской долины, которая обследована сейчас очень детально. При раскопках получены разнообразные материалы, свидетельствующие о связях с Афганистаном и Индией³³.

История древней (и средневековой) Средней Азии в значительной мере развивалась во взаимодействии оседлых и кочевых народов и племен. Поэтому наряду с раскопками поселений, большое внимание уделялось и раскопкам могильников кочевников. А. Н. Бернштам — первый исследователь археологии саков Средней Азии — открыл сакские могильники на Восточном Памире и раскопал около шестидесяти сакских курганов³⁴. Нам удалось открыть множество новых могильников и раскопать свыше 200 курганов и культовых мест памирских саков³⁵.

Открытие могильников на Восточном Памире подняло ряд сложных проблем. Нет никакого сомнения, что погребальный инвентарь из этих курганов — сакский. Он очень напоминает скифский и савроматский и обнаруживает самую непосредственную близость к семиреченскому и отчасти центрально-казахстанскому, причем не только в отношении знаменитой «скифской триады», но и в керамике. Своеобразие не очень значительное. С другой стороны, антропологический состав населения иной: на Памире сакское население было долихокранным, примыкая в этом отношении к древнему населению Индийского субконтинента. Таким образом, отпала возможность для утверждений, что сакское на-

³⁰ Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Каменные базы колонн из Вахшской долины. ИООН АН ТаджССР, I (22), 1960.

³¹ Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. АР, II; Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. АР, II; его же. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). КСИИМК, 64, 1956; Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобадшах. КСИИМК, 64, 1956.

³² А. Бабаев. Археологические разведки на Западном Памире в 1960 г. АР, VIII; его же. Археологические разведки на Памире. АР, IX; его же. Крепости и погребальные сооружения Древнего Вахана. Автореф. канд. дис., Душанбе, 1965.

³³ Т. И. Зеймаль. Античное поселение в урочище Халканжар. АР, VI; его же. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г. АР, VII; его же. Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г. АР, VIII; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Разведки и раскопки в Южном Таджикистане. АР, IX.

³⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952; его же. Саки Памира. ВДИ, 1956, 1; Г. Г. Бабанская, Ю. А. Заднепровский. Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г. АР, IV.

³⁵ Б. А. Литвинский. Раскопки могильника на Восточном Памире в 1958 г. АР, VI; его же. Археологические открытия на Восточном Памире. М., 1960; его же. Раскопки могильника на Восточном Памире в 1959 г. АР, VII; Б. А. Литвинский, М. А. Бубнова. Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г. АР, VIII.

селение Памира происходит с Тянь-Шаня или более северных районов. Решение этого вопроса рисуется мне в следующем виде. Как явствует из сообщений античных авторов и контекста древнеперсидских надписей (DPe, 15—18; DNa, 22—29; DSe, 24—25; DB, 12—17), большая группа сакских племен, а именно сака-хаумаварга древнеперсидских надписей, была связана с юго-востоком Средней Азии — Бактрией и Индией. То, что это были именно сака-хаумаварга подтверждают и лингвистические данные. Мы имеем в виду наименование живущих в Читрале мунджанцев и йидга, этнонимы которых лингвисты связывают с саками, в частности с саками-хаумаварга. Следует также упомянуть свидетельство индийского грамматика Патанджали (184—148 гг. до н. э.) о śakaуvпаш, т. е. о живших рядом в Индии греках и саках.

Что же касается «амюргийской равнины» Гелланика, мы склонны вслед за А. Херрманном локализовать ее в Алайской долине, но считаем не исключенным, что под «амюргийской равниной» в широком смысле понималась и Ферганская долина.

Следовательно, памирские саки входили в состав юго-восточных саков, а именно саков-хаумаварга. Возможно, саки южной части Восточного Туркестана также входили в эту группировку или были близки ей. Сохранившиеся от их потомков памятники хотано-сакского языка демонстрируют близость к языку современных памирских таджиков, особенно ваханцев. Что же касается саков-тиграхауда, мы принимаем их идентификацию с массагетами и помещаем в западной части Средней Азии (Приаралье — Прикаспий). Семиреченские же саки находились вне сферы ахеменидского государства. Их часто на основании сообщения Птолемея идентифицируют с исседонами, упуская из виду, что причины ошибки Птолемея давно уже разъяснил А. Херрманн. Однако это были, безусловно, сакские племена, диалект которых, я думаю, мог явиться основой для второго сакского языка Восточного Туркестана, известного по текстам из Тумшука, Маралбаши и Барчука. Что же касается «саков, которые за Согдом», они локализуются по Средней Сыр-Дарье³⁶; позже они образовали, на мой взгляд, ядро Кангюя.

Но вернемся к памирским сакам. Судя по историческим и археологическим источникам, во II в. до н. э. эти саки приняли участие в передвижениях юэчжей и сако-усуньских племен, большая часть памирских саков переселилась в северо-восточную Индию, участвовала в разгроме Греко-Бактрии. Часть же осталась на Памире, в том числе на западном³⁷, перешла к оседлости и образовала древнейший пласт современных памирских народностей, в частности ваханцев.

М. М. Дьяконов начал раскопки могильников в низовьях Кафирнигана. Эти работы затем были продолжены А. М. Мандельштамом. В 1956—1959 гг. он провел систематические раскопки открытых А. П. Окладниковым могильников в Бишкентской долине. В северной части этой долины А. М. Мандельштам изучил крупные могильники Аруктау, Тулхар и Коккум, а также произвел небольшие раскопки на находящихся здесь поселениях Хан-Газа и Ак-Тепе³⁸.

³⁶ Б. А. Литвинский. Саки, которые за Согдом. ТР. АН ТаджССР, XX, Сталинабад, 1960.

³⁷ Это документируется могильником Чилхона, который открыл А. Бабаев.

³⁸ А. М. Мандельштам. О работах Кобаджанского отряда в 1955 г. АР, III; Археологические работы 1956 г. в Бишкентской долине. АР, IV; его же. Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г. АР, V; его же. Хан-Газа. АР, VII; его же. Могильник Аруктау в Бишкентской долине. КСИИМК, 76, 1959; его же. К истории Бактрии-Тохаристана (некоторые археологические наблюдения). КСИА АН СССР, 98, 1964; его же. К вопросу об особенностях расположения памятников кочевого населения в Северной Бактрии. Сообщения Гос. республиканского объединенного музея историко-краеведческого и изобразительных искусств, IV, Душанбе, 1966.

Практически полностью раскопан и монографически издан один из могильников — Тулхарский³⁹. Благодаря находкам монет этот могильник датируется в пределах последней трети II в. до н. э. — началом I в. н. э. Два других могильника синхронны ему. Могильники дали богатый набор погребального инвентаря. По мнению А. М. Мандельштама, эти могильники археологически документируют передвижение больших масс кочевников в Северную Бактрию и пребывание их там, что связывается с кочевническим завоеванием Греко-Бактрии в последней трети II в. до н. э.

Могильники кочевников I тысячелетия н. э., преимущественно II—III и VI—VIII вв., детально изучены в Северном Таджикистане (Б. А. Литвинский). В Исфаринском районе раскопаны Ворухский могильник, могильник в Ворухском ущелье, могильники Кех, Сурх I и II, Чорку I и II, Карабак, Исфаринский и др. Их культура очень близка культуре Карабулакского могильника в Киргизской ССР, раскопанного Ю. Д. Баруздиным.

На территории Аштского и Ново-Матчинского района, т. е. в отрогах Кураминского хребта, мы раскопали множество каменных гробниц, **которые местное население называет мут-хона или курумы**⁴⁰. Кроме того, Е. Д. Салтовская успешно проводит раскопки поселений, расположенных в непосредственной близости от Аштского могильника. Материал одного из этих поселений — Кзыл-Тепе (или Тудакалон) поможет разобраться в вопросе о взаимоотношениях кочевого и оседлого населения⁴¹.

Раскопки показали, что для могильников западной Ферганы в первые века нашей эры характерны очень тесные связи с сарматской культурой, причем это не прерывчатый пунктир отдаленных соответствий, а целый пучок тесных историко-культурных связей. Они дали также обильный материал для суждения о хозяйстве, эволюции материальной и некоторых сторон духовной культуры и этнической истории Ферганы в древности и раннем средневековье.

Менее двух десятилетий тому назад в советской науке было распространено представление об упадке Средней Азии в раннем средневековье и переносе центра тяжести общественной жизни из города в деревню, регрессе городского ремесла. Это мнение, разделявшееся большинством исследователей, покоилось главным образом на догматическом представлении, что переход к феодализму обязательно сопровождается регрессом городской жизни. «Кризис рабовладельческого строя» понимался не как внутреннее преобразование рабовладельческого строя и развитие элементов феодализма, а исключительно как упадок хозяйства и культуры, продолжавшийся до VI—VIII вв. Изучение памятников раннего средневековья в Таджикистане получило особый размах, что привело к крушению этой схемы.

Богатейшие материалы, полученные при раскопках Пенджикента, опубликованы и исследованы А. Ю. Якубовским, М. М. Дьяконовым, А. М. Беленицким и коллективом их сотрудников⁴². Особенно большое значение имеют труды А. М. Беленицкого, под руководством которого

³⁹ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. Тр. ТАЭ, V, 1966.

⁴⁰ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 22—70; Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район в 1954 г. АР, II; Б. А. Литвинский. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. АР, IV; его же. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. АР, V; его же. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. АР, VI; Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Т. П. Кияткина. Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. АР, VI, стр. 137—146; Е. Д. Салтовская. Вал и могильник у кишлака Ниязбек. ИООН АН ТаджССР, I (22), 1960.

⁴¹ Е. Д. Салтовская. О раскопках античных поселений в районе Ашта. АР, VII; ее же. О раскопках на поселении Тудай-Калон в 1960 г. АР, VIII; ее же. Раскопки на Тудай-Калон в 1961 г. АР, IX.

⁴² Сб.: «Живопись древнего Пенджикента», М., 1954; «Скульптура и живопись Древнего Пенджикента», М., 1959.

Рис. 2. Кухна-кала. Вахшская долина. Аксонометрия архитектора А. Макухи

удалось осуществить раскопки на значительной части восточной половины городища.

В конце V — начале VI в. здесь было уже крупное городское поселение — «нижний Пенджикент»⁴³. Основная часть построек и найденного в них материала относится к «верхнему Пенджикенту» (середина VII — 70-е годы VIII в.)⁴⁴. В Пенджикенте были раскопаны жилые дома, общественные здания, в том числе храмы, погребальные сооружения и т. д. Обширный материал по раннесредневековой архитектуре и строительному делу был детально исследован В. Л. Ворониной⁴⁵. В 60 помещениях обнаружены следы, фрагменты или сохранившиеся настенные росписи, в семи помещениях — резное дерево, глиняная скульптура. В изучении и публикации первых памятников искусства приняли участие А. Ю. Якубовский, М. М. Дьяконов, А. М. Беленицкий, техникой пенджикентской живописи и скульптуры, а также ее консервацией и реставрацией занимается П. И. Костров, архитектурным декором — В. Л. Воронина. Памятники искусства, найденные за последние полтора десятилетия, изучены и частично опубликованы А. М. Беленицким.

Б. Я. Ставиский 10 лет изучает бассейн Верхнего Зеравшана, культурно-исторически тесно связанный с Пенджикентом. Здесь выявлено около

⁴³ Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. Тр. ТАЗ, IV, стр. 243.

⁴⁴ О. Г. Большаков. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. Тр. ТАЗ, IV, стр. 116—120; Б. Я. Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг. Там же, стр. 168—178.

⁴⁵ В. Л. Воронина. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии (по данным археологии). Автореф. докт. дис., М., 1961 (там же, на стр. 31, список работ); е е же. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.). Тр. ТАЗ, IV.

Рис. 3. Аджина-Тепе. Скульптура из глины

полусотни раннесредневековых памятников. Из новейших работ на этой территории выделяются раскопки поселения Гардони-Хисор (в 12 км от замка на горе Муг) возле с. Мадм. Это крупное сооружение дворцового типа. При его раскопках найдено много обугленных деревянных деталей с богатой резной орнаментацией ⁴⁶.

Многолетние раскопки в Северном Таджикистане с 1955 г. производит Н. Н. Негматов на группе раннесредневековых памятников в районе Шахристана. На Кахках II, Урта-Курган и Чил-Худжра раскопки завершены, на Кахках I — продолжаются.

Кахках II — небольшая крепость с укрепленным трехъярусным замком-донжоном. Его помещения были украшены живописью и резным деревом, фрагменты которых сохранились (резное дерево) в обугленном состоянии. Урта-Курган — двухъярусный замок очень интересной конструкции. Здание также было украшено живописью (сохранились фрагменты) и резным деревом (сохранилось в обугленном состоянии).

Неподалеку от Шахристана раскапывался памятник под названием Чил-Худжра («сорок келий»). Центральная его часть оказалась двухэтажным замком, существовавшим в V—IX вв. и частично обжитым и позже — в XI—XII вв. Здесь также обнаружены следы настенных росписей, резное дерево. Большое значение имеют найденные здесь согдийские надписи на дощечках. Поразительна сохранность архитектурных конструкций, так что можно изучать не отдельные элементы архитектуры, а весь облик архитектурного сооружения в целом.

На цитадели городища Кахках I раскапывается дворцовый комплекс с крупными залами и системой коридоров. Здание было украшено настенной росписью ⁴⁷.

В другом районе северного Таджикистана, а именно в Исфаринском, Е. А. Давидович детально исследовала сложную историю и фортификацию замка Калаи-Боло, существовавшего и в раннесредневековое время ⁴⁸.

В Южном Таджикистане изучением памятников раннего средневековья руководил Б. А. Литвинский. Здесь были произведены Т. И. Зеймаль небольшие раскопки на Кафыр-Кале и Колхозабад ⁴⁹. Основные же работы осуществлялись на Аджина-Тепе вблизи г. Курган-Тюбе. Аджина-Тепе — буддийский монастырь (сангхарама) VII — первой половины VIII в. Комплекс состоит из двух частей: «храмовой» (со ступой) и монастырской. Исключительно интересна архитектура. Стены и потолки были покрыты живописью, на постаменах святилищ и других помещений были установлены глиняные скульптуры — сидящие Будды, бодисатвы и т. д. В 1966 г. была извлечена основная часть скульптурного изображения Будды в нирване длиной 12 м (рис. 3 и 4).

⁴⁶ Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магнан-Дарьи в 1957 г. Тр. АР, V; его же. Работы Магнанской группы в 1958 г. АР, VI; его же. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов верхнего Зеравшана (Кухистана). Материалы по отделению этнографии, I, 1. Л., 1961; его же. Работы Магнанской группы в 1959 г. АР, VII; его же. Работы Магнанской группы в 1961 г. АР, IX.

⁴⁷ Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1955 г. АР, III, его же. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. АР, IV; его же. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 г. АР, V; его же. Работы Ходжентско-Усрушанского отряда в 1958 г. АР, VII; его же. Археологические раскопки в Шахристане. В кн.: Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959; его же. О работах Северо-Таджикистанского отряда в 1961 г. АР, IX; Н. Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане. СА, 1959, 2; Н. Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г. АР, VIII, Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. I, Душанбе, 1966.

⁴⁸ Е. А. Давидович. Раскопки замка Калаи-Боло. Тр. ТАЭ, III.

⁴⁹ В. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956). АР, IV; Т. И. Зеймаль. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. АР, V.

В результате раскопок на Аджина-Тепе наука обогатилась серией шедевров буддийского искусства; этот новый, ранее не известный раздел искусства Средней Азии я предлагаю назвать тохаристанско-буддийским⁵⁰.

Итак, выборочный перечень раскопанных в Таджикистане раннесредневековых памятников, к которым следует добавить памятники, изученные нашими коллегами в других среднеазиатских республиках, прежде

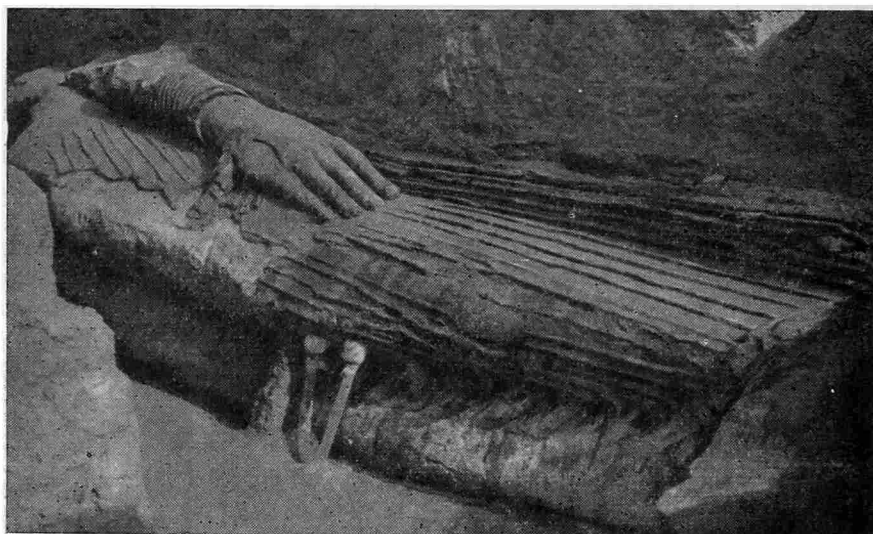

Рис. 4. Аджина Тепе. Двенадцатиметровый Будда в нирване

всего Варахшу и Балалык-Тепе, показывает, что ни о каком упадке городской жизни и культуры в VI — середине VIII в. в Средней Азии, т. е. накануне и во время арабского завоевания, говорить не приходится. Более того, представляется, что уровень и размах городской жизни в это время в некоторых отношениях превзошел тот, что имел место на рубеже и в первые века нашей эры.

Как известно, феодальные города Средней Азии в X—XII вв. далеко превосходили западноевропейские, были крупнейшими средоточиями торговли, ремесла и культуры⁵¹. Генезис же этого расцвета городской жизни терялся в тумане догадок и гипотез; так обстояло дело до раскопок древнего Пенджикента. А. Ю. Якубовский образно назвал древний Пенджикент своеобразной лабораторией, в которой должны изучаться проблемы, связанные со сложением феодального строя и в особенности феодального города. Действительно, когда в результате раскопок предстала часть городского шахристана, оказались опрокинутыми многие старые представления, считавшиеся до того истинными. Проблема эта детально исследована А. М. Беленицким⁵². Отметим лишь, что теперь установлено возникновение приторода-рабада уже в доарабское время (хотя вначале ремесленные функции в нем не преобладали); выявлено, что шахристан имел сплошную, а не усадебную застройку; что раннесредневековый шахристан отнюдь не был скоплением жилищ знати и их слуг, ибо значительная часть

⁵⁰ Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Раскопки и разведка в Южном Таджикистане. АР, IX.

⁵¹ Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. ИООН АН ТаджССР, 4, Сталинабад, 1953, стр. 63; О. С. Большаков. Средняя Азия в период караханидов. ИТН, II, 1, стр. 257.

⁵² А. М. Беленицкий. Из итогов последних лет раскопок Древнего Пенджикента. СА, 1965, 3. Несколько иначе трактует многие вопросы В. Л. Воронина. См: В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, 1 и вышеупомянутый автореферат.

его состояла из построек, занятых мастерскими и торговыми заведениями. Отсюда А. М. Беленицкий делает вполне обоснованный вывод, что уже на ранней стадии феодального развития, в VII—VIII вв., города Передней Азии являлись центрами торговли и ремесла. При этом городское ремесло было рассчитано на рынок и, видимо, не только внутригородской, но и сельской округи.

Материалы раскопок раннесредневековых памятников Таджикистана приобретают особую значимость в связи с тем, что они чрезвычайно полно характеризуют почти все стороны материальной культуры городского населения VI—VIII вв. Остатки ремесленных производств, архитектурно-строительные памятники, разнообразные виды бытовой утвари, оружия, украшений — все это обнаружено при раскопках. При этом раскопки в разных областях Таджикистана счастливо дополняют друг друга. Вместе с тем, выявились и историко-культурные провинции, степень их близости и различия.

Мы не можем останавливаться на результатах исследования раннесредневековой архитектуры. Отметим лишь, что раннесредневековая архитектура содержала уже во вполне развитом виде многие элементы и схемы, ставшие определяющими для среднеазиатского зодчества эпохи развитого феодализма. Так, при раскопках Аджины-Тепе выяснилось, что, вопреки прежним взглядам, вполне сложившаяся четырехайванно-дворовая схема существовала в буддийских сооружениях на юге Средней Азии уже в доарабское время. Я думаю, что ее сложение — результат переплетения индо-буддийской и среднеазиатско-иранской традиций. Такая схема характерна для некоторых ведущих типов общественных зданий мусульманской Средней Азии и Востока в целом, а именно медресе. Но из письменных источников известно, что мусульманские медресе появились в X в. в Средней Азии. Детальное же сравнение внутреннего уклада, функций и учебного статуса сангхарамы (буддийского монастыря) и мусульманской медресе также показывает их связь, которую, кстати, осознавали средневековые авторы. Итак, происхождение среднеазиатского мусульманского медресе нельзя отрывать от широкого буддийского фона, на который наложился на юге Средней Азии и в Афганистане ислам. Или еще. Уникальный конструктивный элемент Аджины-Тепе — разгрузочно-пазушные сводики — следует принимать во внимание при рассмотрении вопроса о происхождении галлерей мавзолея Саманидов.

Открытие настенной живописи, скульптуры и резного дерева бесконечно обогатило наши представления об уровне культуры, и в частности искусства, пролило свет на ранние этапы развития средневекового изобразительного искусства и т. д. Благодаря богатству изобразительных сюжетов и тщательной проработке деталей памятники искусства восполняют ту картину, которую рисуют археологические материалы и письменные источники. Но их значение не только в этом: они являются важнейшим источником для изучения идеологии домусульманского времени и ее связи с последующей культурой таджиков и других народов Средней Азии. Для Согда эта проблема была разработана А. М. Беленицким⁵³. Мною написана работа по истории буддизма в Средней Азии.

Большое значение памятники искусства раннесредневекового Таджикистана имеют для исследования истории искусства и культуры Востока в целом. Уже в конце XIX — начале XX в. экспедициями русских, немецких, английских, французских и японских ученых были открыты замечательные памятники искусства в Восточном Туркестане. Публикация этих памятников живописи и скульптуры породила буквально море литературы, но характер археологических исследований был таков, что датировки

⁵³ А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов. В кн.: Живопись Древнего Пянджикента. М., 1954; A. M. Belenitsky. Ancient Pictorial and Plastic Arts and the Shan-nama. В кн.: Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. III, М., 1963.

комплексов практически не были установлены. Среднеазиатские памятники живописи и скульптуры, полученные при раскопках, проведенных современными методами, имеют твердо установленные даты. Таким образом, они являются своего рода эталоном для датировки памятников искусства в соседних областях Востока. Более того, исследователи восточно-туркестанской живописи, например Лекок, Ф. Зарре и др., на основании иконографических изысканий находили в ней сильную «иранскую» струю. Последующие открытия в Средней Азии показали, что на самом деле речь должна идти об огромной роли среднеазиатской культурной традиции в сложении восточнотуркестанского искусства. Это положение, выдвинутое впервые М. М. Дзякоповым, сейчас постепенно утверждается и в трудах западных ученых. Недавно М. Буссальи показал, что восточнотуркестанское искусство во многом являлось «эхом» среднеазиатского⁵⁴.

Исторический фон этого влияния среднеазиатского искусства на восточнотуркестанское, состоит, как мне представляется, в том, что по крайней мере с эпохи бронзы Восточный Туркестан в историко-культурном отношении принадлежал к Средней Азии. Сако-усуньское население его было идентично со среднеазиатским. Этнические связи увеличиваются в первые века нашей эры в связи с согдийской колонизацией. Распространение буддизма в Восточном Туркестане было связано с именем парфянина Ан Ши-као (II в. н. э.). Менее известен факт, что он обучал население Восточного Туркестана среднеазиатской химии и астрономии. Мощный поток культурных влияний, шедших в восточный Туркестан в первых веках нашей эры из Парфии, Бактрии, Согды, привел, в частности, к распространению парфянской техники лепки глиняной скульптуры и т. д.

Детально изучался город эпохи развитого средневековья. Богатейший материал получен в Хульбуке — столице области Хутталь, раскопки которого в 1953 г. были начаты Е. А. Давидович и мною. Исследователь этого города, сотрудница Южно-Таджикского отряда Э. Гулямова, вскрыла планировку дворца, изучила его историю (два периода — X в. и XI—XII вв.), исследовала удивительно полный набор первоклассной стеклянной и гончарной посуды и другие предметы, в том числе шахматы из слоновой кости⁵⁵. Раскопки в Хульбуке создают довольно полное представление о среднеазиатском феодальном городе и его повседневной жизни.

Следует также упомянуть раскопки Н. Н. Негматова на Чил-Духтароне, давшие комплексное представление о средневековом поселении; раскопки на Хан-Яйлоу — горном сельском средневековом поселении и др.; детальное исследование исторической топографии важнейшего городского центра Северного Таджикистана — Ходжента (современный Ленинабад)⁵⁶.

Углубленному исследованию были подвергнуты некоторые стороны экономической жизни средневековья. Так, Б. А. Литвинский издал серию работ по истории средневекового горного дела Средней Азии, в том числе обобщающие работы по технике добычи и переработки руд полезных ископаемых⁵⁷. Один из разделов этой темы, а именно технику средневековой металлургии серебра, изучает М. А. Бубнова, исследования которой при-

⁵⁴ M. Bussagli. The Painting of Central Asia. Geneva, 1963.

⁵⁵ Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. ДАН, II; Э. Гулямова. Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г. АР, VI; ее же. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1960 г. АР, VIII; ее же. Раскопки в Хульбуке в 1961 г. АР, IX; ее же. Шахматные фигуры с городища Хульбук. ИООН, I (22) Сталинабад, 1960; ее же. Стекло с городища Хульбук. ИООН, I (24), Сталинабад, 1961.

⁵⁶ Н. Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Раскопки на Тирмизак-Тепе. ИООН АН ТаджССР, I (24), Душанбе 1961; Н. Н. Негматов. К истории Ходжентской цитадели. ИООН АН ТаджССР, I (28), Душанбе, 1962.

⁵⁷ Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954; ео же. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.). Тр. АН ТаджССР, XXVII, 1954.

вели к очень интересным выводам⁵⁸. Нам в этом плане приходилось также заниматься техникой древнейшей металлургии меди⁵⁹.

Помимо рекогносцировочного обследования старинных рудников Северного и Центрального Таджикистана, а также Памира, М. А. Бубнова провела крупные раскопки на рудничных поселениях Кани-Мансура и недавно открытого геологами на Восточном Памире старинного горно-промышленного комплекса Базар-Дара, расположенного на высоте 3800 м. На городище Базар-Дара (X—XII вв.) открыты уникальные для средневековой археологии Средней Азии материалы: богатая коллекция разнообразных тканей, изделий из войлока, кожи, меха, дерева и др. Кроме того, здесь, в условиях прекрасной естественной консервации, сохранилось свыше 40 документов на бумаге.

Больших успехов достигла Э. В. Сайко в работе по исследованию истории и технологии керамического производства. При этом она использует разнообразные методы естественных наук и привлекает также данные восточных письменных источников (алхимические трактаты по минералогии и т. д.)⁶⁰. Уже вышли в свет две монографии, посвященные керамике VIII—XII вв.⁶¹ В этих монографиях освещен широкий круг вопросов, связанных со всеми сторонами керамического производства.

Удельный вес исследований по средневековой архитектуре сравнительно невелик. Научная работа и в этой области широко развернулась лишь после организации ТАЭ и сектора археологии и нумизматики. Были открыты для науки такие замечательные памятники, как сооружения в Саяте (А. М. Беленицкий), Ходжа Нахшран (Б. А. Литвинский); детально изучены мавзолей Мухаммеда Бошшаро и памятники Гиссара (Л. С. Бретаницкий). Большой вклад в исследование средневековой архитектуры внесла В. Л. Воронина, давшая превосходное описание резного дерева Верхнего Зеравшана и некоторых архитектурных памятников. В последние годы в долине Зеравшана А. М. Мухтаров открыл новые замечательные образцы резного дерева. В кишлаке Чорку обнаружена средневековая постройка, которая полностью сохранила резной деревянный интерьер⁶². Ничего подобного до сих пор в Средней Азии не было известно. Этот цикл резьбы значительно расширяет наши представления о средневековой архитектуре и архитектурно-декоративном искусстве Средней Азии.

Нумизматика имеет громадное значение для исследования археологии и истории Таджикистана. Работы в этой области проводятся как у нас, в СССР, так и за рубежом. Можно отметить, в частности, что хронология Бактрии — Тохаристана первой половины I тысячелетия н. э. и в определенной степени хронология других областей Таджикистана и Средней Азии основывается на кушанских и кушано-сасанидских монетах. Но хронологическое определение времени правления кушанских и кушано-сасанидских правителей — предмет бесконечных дискуссий. Так, начальная

⁵⁸ М. А. Бубнова. К истории металлургии серебра в Средней Азии. ИООН АН ТаджССР, I (24), 1961; ее же. Извлечение серебра купелированием в Средней Азии в IX—XI вв. ИООН, АН ТаджССР (28), 1962.

⁵⁹ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов.

⁶⁰ Э. В. Сайко. Из опыта применения микроскопического метода исследования к изучению средневековой среднеазиатской керамики. ИООН АН ТаджССР, I (22), 1960; ее же. Некоторые вопросы технологии ангоба средневековой среднеазиатской керамики. ИООН АН ТаджССР, I (28), 1962; ее же. Глазури керамических фрагментов из средневековой гончарной печи в Вахшской долине. ДАН ТаджССР, V, 1, Душанбе, 1962; ее же. Технология керамики средневековых мастеров. Сб.: Археология и естественные науки. М., 1965; ее же. О технологии обжига керамических изделий средневековых среднеазиатских мастеров. ИООН АН ТаджССР, I (39), 1965.

⁶¹ Э. В. Сайко. Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв. Тр. АН ТаджССР, XXXVI, Душанбе, 1963; ее же. История технологии керамического ремесла Средней Азии VII—XII вв., Душанбе, 1966.

⁶² А. Мухтаров. Резьба по дереву в долине Зеравшана, М., 1966.

дата знаменитого кушанского царя Канишки определяется разными исследователями в пределах от 78 г. до 278 г., соответственно смещаются даты других правителей⁶³. Принятие одной из этих двух крайних точек зрения означает передвижку датировки археологических комплексов по крайней мере на два столетия!

За последние годы Кушанская нумизматика является предметом углубленных штудий как советских ученых⁶⁴, так и зарубежных⁶⁵. Появляется надежда, что кушанская хронология при комплексной разработке всех источников наконец получит прочные основания.

Монеты с согдийскими надписями, найденные при раскопках в Таджикистане, особенно в Пенджикенте, а также в других местах, на протяжении многих лет изучает О. И. Смирнова. По ее словам, это «...новый источник, дающий нам необходимые добавочные данные для уточнения вопросов хронологии, титулов и политической карты Согда...» этого периода⁶⁶. Впоследствии выяснилось, что согдийские монеты могут дать материал и для выяснения социально-экономической жизни. О. И. Смирнова опубликовала ряд исследований и каталог монет из Пенджикента⁶⁷. Над исследованием раннесредневековых тохаристанских монет Аджина-Тепе работает В. А. Лившиц.

Сектор археологии и нумизматики проводит большую работу по сбору и регистрации старинных монет. Они подвергаются тщательному изучению и используются в качестве важнейшего исторического источника. Сектор археологии и нумизматики является крупнейшим в Советском Союзе центром по изучению средневековой среднеазиатской нумизматики. Е. А. Давидович выполнила ряд работ в хронологическом диапазоне от IX—X до XVII—XVIII вв., в которых содержится целостная картина средневековой нумизматики Средней Азии⁶⁸.

Перечислим три основные направления этих работ. Первое — это изучение конкретно-исторического своеобразия истории денег и денежного обращения Средней Азии как части проблемы товарного производства и торговли. Как пишет Е. А. Давидович, конкретно-исторический анализ монетного источника обнаруживает кризисы денежного обращения; позволяет проследить различные специфические особенности, характеризующие денежное обращение разных периодов в целом, а также выявить объективные причины и предпосылки сложения этих особенностей; дает возможность воссоздать картину столкновений различных классов общества и разных группировок господствующего класса в их разном отношении к финансовой политике государственной власти, а также выяснить в какой мере средневековые экономисты познавали и какие формы принима-

⁶³ Е. В. Зеймалъ. Проблемы кушанской хронологии и монеты. Тезисы докладов юбилейной научной сессии. ГЭ. Л., 1964; R. Göbl. Zwei neue Termini für ein zentrales Datum der alten Geschichte Mittelasiens, Jahr des Kušankönigs Kaniška. Sonderabdruck aus «Anzeiger des phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Jahrgang 1964, 7, стр. 144. Если учесть и старые датировки, диапазон будет значительно большим: W. M. McGovern. The Early Empires of Central Asia. New York, 1939, стр. 485.

⁶⁴ М. Е. Массон. Происхождение безымянного «царя царей — великого спасителя». Тр. САГУ, нов. сер., XI, Ташкент, 1950; Е. В. Зеймалъ. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. ИООН АН ТаджССР, I (22), Душанбе, 1960; его же. Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореф. канд. дис., Л., 1965.

⁶⁵ R. Cöbl. Die Münzprägung der Kušan von Vima Kadphises bis Bahram IV. В кн.: F. Altheim, R. Stiehl. Finanzgeschichte der Spätantike, Frankfurt am Main, 1957.

⁶⁶ О. И. Смирнова. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии. СВ, VI, М.—Л., 1949, стр. 359.

⁶⁷ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.). М., 1963.

⁶⁸ Е. А. Давидович. Нумизматические данные по социально-экономической и политической истории Средней Азии X—XVIII вв. Автореф. докт. дис., Душанбе — Москва, 1964.

ла эксплуатация монетного обращения, как дополнительного средства феодального гнета и т. д.⁶⁹

Второе направление — изучение некоторых феодальных институтов, государственного устройства, конкретизации феодальной иерархии. В результате, например, был полностью пересмотрен ранее существовавший в науке взгляд на институт феодальных пожалований за службу в IX—XII вв. При этом выяснилось, что феодальные отношения в государстве Саманидов были значительно более зрелыми и глубокими, чем это представлялось раньше; были внесены коррективы в оценку удельного веса условного землевладения и в характеристику государственного устройства⁷⁰. Важных результатов, углубляющих и уточняющих конкретно-историческое представление о среднеазиатском феодализме, достигла Е. А. Давидович при анализе нумизматических и письменных источников других периодов.

Третье направление — использование монет для решения или уточнения некоторых моментов политической истории, исторической географии и т. д.⁷¹ Значение этого цикла нумизматических работ трудно переоценить, благодаря им были решены многие проблемы средневековой истории Средней Азии.

К археологическим и нумизматическим исследованиям тесно примыкают работы А. Мухтарова по разысканию, дешифровке и исследованию средневековых эпиграфических памятников. Обнаружено 300 таких памятников, охватывающих период с XI по начало XX в., часть из них опубликована⁷².

Исследования по археологии и нумизматике Таджикистана имеют важнейшее значение для воссоздания древней истории и истории культуры Таджикистана, других республик Средней Азии и сопредельных стран. Они самым широким образом использованы в многотомной «Истории таджикского народа», школьных и вузовских учебниках истории Таджикской ССР. Археологические исследования в Таджикистане вызывают большой интерес и за рубежом, где появились обзоры по археологии республики⁷³.

⁶⁹ Е. А. Давидович. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). Тр. САГУ, нов. сер., XI Ташкент, 1950; ее же. Две денежные реформы в государстве Шейбанидов. Тр. САГУ, нов. сер., XXIII, Ташкент, 1951; ее же. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов. ИООН АН ТаджССР, III, 1953; ее же. Денежная реформа Шейбани-хана (из истории среднеазиатской экономики в XVI в.). Тр. АН ТаджССР, XII, 1954; ее же. К организации обмена медных монет в Средней Азии конца XV — начала XVI в. Тр. АН ТаджССР, СХХ, 1960; ее же. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв., II, М., 1960; ее же. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. ИООН АН ТаджССР, I (24), 1961; ее же. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. НЭ, V, М., 1965; ее же. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека. Сб.: «Из истории эпохи Улугбека». Ташкент, 1965; ее же. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. НЭ, VI, М., 1966; ее же. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. «Народы Азии и Африки», 1965, 6; ее же. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. Душанбе, 1964.

⁷⁰ Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. Тр. АН ТаджССР, XXVII, 1954.

⁷¹ Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. «Нумизматический сборник», 2, Тр. ГИМ, XXVI, М., 1957.

⁷² А. Мухтаров. Надписи на скалах и камнях в верховьях Зарафшана. Тр. АН ТаджССР, СХХ; его же. Надписи с именем Бабура в верховьях Зарафшана. М., 1960.

⁷³ G. Frumkin Archaeology in Soviet Central Asia. Tadzhikistan «Central Asian Review», XII, 3, 1964.

Е. АТАГАРРЫЕВ, О. БЕРДЫЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТУРКМЕНИСТАНА ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

До конца прошлого столетия в Туркменистане почти не было условий для развития науки, хотя присоединение к России вызвало оживление экономики, потребовало развития определенных знаний, приобщения туркменского народа к передовой русской культуре и оказало благоприятное влияние на культурный рост края. Царизм не был заинтересован в создании научных центров на далеких национальных окраинах. До Великой Октябрьской социалистической революции народы Туркменистана, находившиеся под гнетом царского самодержавия и местных феодалов, фактически не имели возможности успешно развивать науку и культуру, а о воссоздании своего прошлого не могли и мечтать.

Как в глубокой древности, так и в эпоху античности и в средние века народы, населяющие Туркмению, играли немаловажную роль в истории развития человеческого общества и культуры Древнего Востока в целом. Но богатое историческое прошлое туркменского народа, его вклад в мировую культуру не привлекли к себе должного внимания исследователей. Те небольшие работы по изучению памятников старины, которые велись приезжими учеными, были эпизодическими и не имели определенного плана.

В дореволюционном прошлом можно отметить лишь более или менее значительные стационарные археологические раскопки В. А. Жуковского в Мерве и американской экспедиции Р. Пампелли в 1904 г. в Анау.

После победы Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти положение резко изменилось. Благодаря национальной политике Коммунистической партии и Советского правительства начала развиваться экономика, наука и культура Туркменистана, в результате чего оживился и интерес к памятникам старины.

В настоящей статье сделана попытка дать последовательное изложение хода археологического изучения республики, но в рамках небольшого обзора оно не может быть исчерпывающим как в отношении перечня работ, так и в части библиографии. Здесь перечисляются работы археологов-краеведов и любителей, результаты же их характеризуются в самых общих чертах.

Послереволюционное развитие археологии в Туркменистане мы делим на два периода. Первый — с 1917 г. до окончания Великой Отечественной войны, второй охватывает все последующие годы. Первый период можно разделить на два этапа: с 1917 г. до образования в Туркмении местной археологической организации — секции археологии при Туркменкульте (1929 г.) и с 1929 до 1946 г.

В первые послереволюционные годы археологические работы велись приезжими учеными различных специальностей. В 1917 г. археолог-энтузиаст, по специальности инженер-ирригатор и агроном Д. Д. Букинич, используя свои служебные поездки по Закаспийской области, обнаружил

гигантское поселение Намазга-Тепе, относящееся к культуре Анау. Несколько позднее геолог Д. И. Щербаков в районе серного завода в центральных Кара-Кумах и у колодца Кукуртли на Красноводском полуострове обнаружил каменные орудия первобытных племен, некогда обитавших на территории Туркменистана.

Вскоре после окончания гражданской войны создается специальный орган по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, в 1921 г. переименованный в Туркестанский комитет по охране памятников старины и искусства (Турккомстарис). В 1920—1921 гг. Турккомстарис начал работы по составлению археологической карты Средней Азии¹. В ноябре 1920 г. В. В. Бартольд предложил сосредоточить в ближайшее время силы на составлении археологической карты, раскопках в Мерве и других местах и улучшении дела охраны памятников². По инициативе членов комитета Туркменский ЦИК 31 июля 1921 г. издал декрет, запрещающий самовольные раскопки древних поселений и городищ без разрешения Турккомстариса.

Национальное размежевание в Средней Азии (1924—1925 гг.) создало новый этап в изучении археологических памятников Туркменистана. В 1924 г. Д. Д. Букинич проводит повторное обследование Намазга-Тепе и поднимает вопрос о производстве там специальных раскопок. В 1925 г. Д. И. Щербаков во время своей поездки к Кара-Кумы на Кызыл-Такыре обнаружил каменные орудия первобытных племен. В это же время археологические и архитектурные памятники Туркменистана привлекают внимание иностранных ученых, которые обследовали несколько выдающихся памятников. Появление в местной печати статей, посвященных памятникам старины Туркменистана, и приезд в республику иностранных ученых значительно подняли у общественности интерес к археологическим памятникам.

В 1925 г. в Ашхабаде возникает первое после Октябрьской революции краеведческое общество, в корне отличающееся по своим задачам и установкам от дореволюционных «кружков любителей археологии»³. В 1926 г. в Ашхабаде организовался археологический кружок, в который вошли П. В. Арбеков, О. Визель, В. Городецкий и др., приступившие к систематическому сбору археологических памятников.

В 1926 г. Д. Д. Букинич во время гидрогеологических работ на ручье Кельте-Чинар у холмов Анау открывает на глубине 7 м от современной поверхности культурный слой. Нельзя не отметить, что в изучении первобытной археологии Туркмении Д. Д. Букинич, несомненно, сыграл очень большую роль. Выдвинутые им идеи, касающиеся ряда археологических проблем и особенно относящиеся к начальным этапам возникновения первобытного орошаемого земледелия, остаются в целом почти неизменными до настоящих дней и подтверждаются новейшими работами не только археологов, но и геоморфологов⁴.

По постановлению ЦИК Туркменской ССР в 1928 г. при СНК Туркменской ССР организовывается Институт туркменской культуры (Туркменкульт). В первые годы существования институт, не имея в своем распоряжении специалистов-археологов, вынужден был приглашать их из других союзных республик. В 1928—1929 гг. Турккомстарис совместно с Туркменкультуром организовали Хаверанскую экспедицию под руководст-

¹ Д. И. Нечкин. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы Средней Азии. Изв. Средазкомстариса, 1, Ташкент, 1926.

² В. В. Бартольд. Ближайшие задачи изучения Туркестана. «Наука и просвещение», 2, 1922.

³ Г. Н. Карпов. Изучение этнографии в Туркмении. Изв. Туркм. ФАН СССР, 1949, 2—3.

⁴ Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, 3—4.

вом А. А. Семенова, которая обследовала археологические памятники подгорной равнины Копет-Дага. В эти годы в Туркмении работала Комплексная экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры, в составе которой находился археологический отряд, возглавляемый А. Ю. Якубовским. Работы этого отряда, сосредоточившего внимание на развалинах средневековой столицы Хорезма Ургенче, положили начало археологическому изучению Северного Туркменистана.

Кроме указанных экспедиций, в это время Л. Н. Соколов произвел обследование ряда памятников на берегах Аму-Дарьи: Дая-Хатын, Дарган-Ата, Измукшир, Булдым-Саз, Куня-Ургенч, Ширван-Кала и Деу-Кескен. Предпринимались некоторые меры по реставрации и консервации памятников средневековой архитектуры. Работники Туркменкульта О. Э. Визель, В. Р. Трипольский, А. А. Карелин и В. Д. Городецкий обследовали состояние сохранности мечети Анау и доложили правительству Туркменской ССР о крайне катастрофическом состоянии одного из замечательных памятников мусульманской архитектуры XV в. В августе 1926 г. председатель СНК Туркмении К. Атабаев обратился к Среднеазиатскому Комитету по делам музеев и охраны памятников истории и искусства с просьбой о присылке специалистов из Ташкента и Ленинграда для соответствующих заключений, о реставрации местных архитектурных памятников. В том же году была создана комиссия в составе А. А. Семенова, А. Э. Шмидта и архитектора А. П. Удаленкова, обследовавшая мечеть Анау, мавзолей Абу-Саида и Султан-Санджара⁵, а также археологические памятники в окрестностях Ашхабада (городище Ниса, поселения Ак-Тепе, Анау) и других пунктов. В 1926 г. по поручению Средазкомстариса архитектор Б. Н. Засышкин еще раз посетил мавзолей Султан-Санджара и составил подробный акт о состоянии этого памятника. После работ комиссий были произведены небольшие ремонтно-консервационные работы на мавзолеях Анау и Султан-Санджара.

Развернувшееся изучение археологических памятников республики активизировало краеведческую работу на местах. Наряду со специалистами-археологами в краеведческой работе принимают участие школы. Для создания краеведческих кружков при Центральном бюро краеведения организуются семинары по изучению истории Туркменистана. Большую работу проводит Ашхабадский кружок любителей археологии, сосредоточивший внимание на выявлении и учете археологических памятников республики. Оживилась также работа Центрального бюро краеведения (ЦБК). На местах появились корреспонденты и отделения ЦБК.

Хотя после Октябрьской революции неизмеримо выросли интересы к памятникам старины, нельзя не отметить, что произведенные работы на первом этапе носили в целом разведывательный характер.

Более широко развернулись работы по археологическому изучению Туркменской ССР на втором этапе (1929—1946 гг.) Переход страны к индустриализации и коллективизации ознаменовал одновременно и огромный скачок в развитии науки и культуры. Организованная в 1929 г. при Туркменкульте археологическая секция приступила к сплошному обследованию территории Туркменистана. Ее сотрудниками в районах Гяурс, Баба-Дурмаз и Артык было обнаружено большое количество памятников, относящихся к эпохе бронзы. В 1930 г. организована Балхано-Атрекская экспедиция, обследовавшая юго-западные районы Туркменистана. В обследованных районах было открыто большое количество неизвестных ранее археологических памятников различных эпох. В частности, на Челекене обнаружено средневековое городище, на Мешеди-Мисриане — кладбище города Мешеда и др. В том же году был обследован средневековый город Шехр-Ислам и открыты остатки водопровода из двойной кирпичной кладки.

⁵ А. А. Семенов. По Закаспийским развалинам. Изв. Средазкомстариса, 3, Ташкент, 1928.

В 1931 г. была организована Теджено-Мургабская экспедиция. В районе Серакса были зарегистрированы мавзолей Ярты Гумбез, относящийся к XII—XIII вв., городище Старый Серакс и многие городища, замки и крепости в долине р. Мургаб. В том же году Амур-Дарьинской экспедицией было произведено обследование древних городищ Келиф, Фараб и Старый Чарджоу (Амуль) и небольшие раскопки на Ак-Тепе и городи-

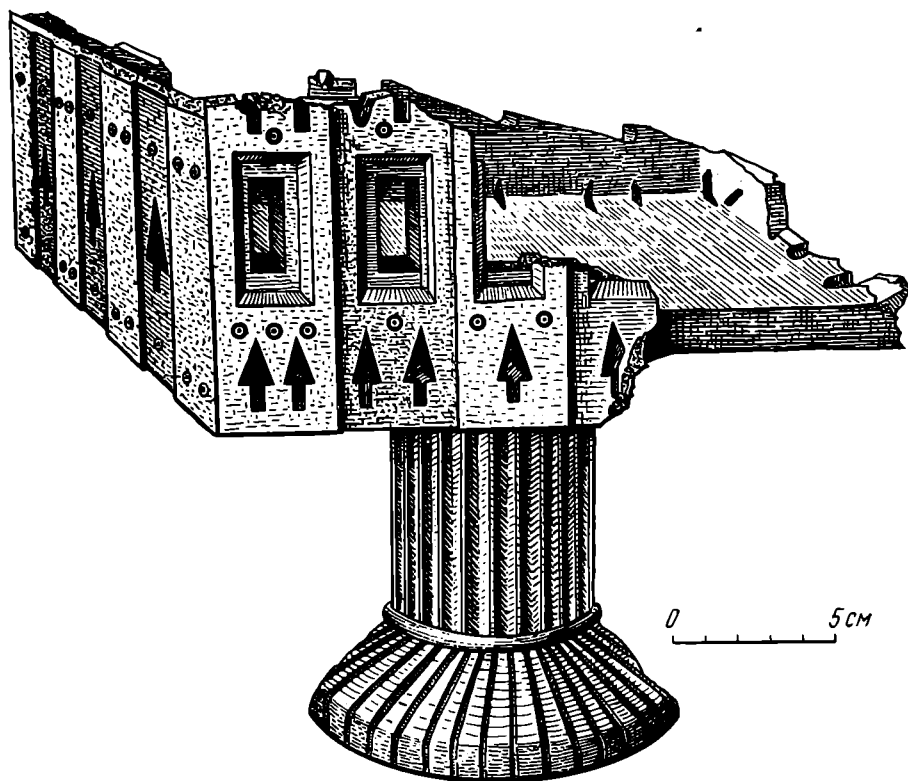

Рис. 1. Стеатитовый предмет из Новой Нисы

щах Старая и Новая Ниса (А. А. Марущенко). На вершине холма Ак-Тепе в 1930—1931 гг. было вскрыто 12 комнат и добыт значительный вещевой материал, относящийся к эпохе бронзы. Раскопки в Нисе дали ценные материалы, относящиеся к парфянскому времени.

В 1932 г. А. А. Марущенко между Ташкепри и Кушкой открыл несколько памятников, относящихся к различным эпохам, а краевед В. И. Ротковский в 1933 г. в местности Наушахари и Айнадан собрал каменные орудия эпохи неолита или бронзы, состоящие из большого количества кремневых отщепов и ножевидных пластин.

В 1934—1936 гг. А. А. Марущенко продолжил раскопки на городищах Старой и Новой Нисы, которые дали интересные и ценные результаты. На Новой Нисе были встречены кремневые орудия и грубая керамика с растительной примесью, свидетельствующие, что на месте парфянской столицы некогда находилось поселение древнейших земледельцев. К парфянскому периоду относятся бляха с изображением кентавра и фрагменты пластинок из слоновой кости, на одной из которых имеется рельеф головы человека (возможно, фрагмент ритона). В 1935 г. на северной окраине Новой Нисы было вскрыто несколько погребений, в одном из которых найдены золотые украшения.

На городище Старая Ниса был вскрыт небольшой архитектурный комплекс и найдены уникальные предметы, среди них большое количество листьев аканфа, терракотовые детали фриз, состоящие из плит с раз-

личными рельефными изображениями (рис. 2), детали ионической капители и обломков статуй из глины.

В 1934 г. М. В. Воеводский и А. И. Тереножкин производили раскопки на средневековом городище Измукшир (Замахшар), находившемся в Ташаузе. Был вскрыт участок с гончарными мастерскими. Кроме керамических изделий найдены семена многих культурных растений, что дает представление о земледельческой культуре древнего населения Измукшира.

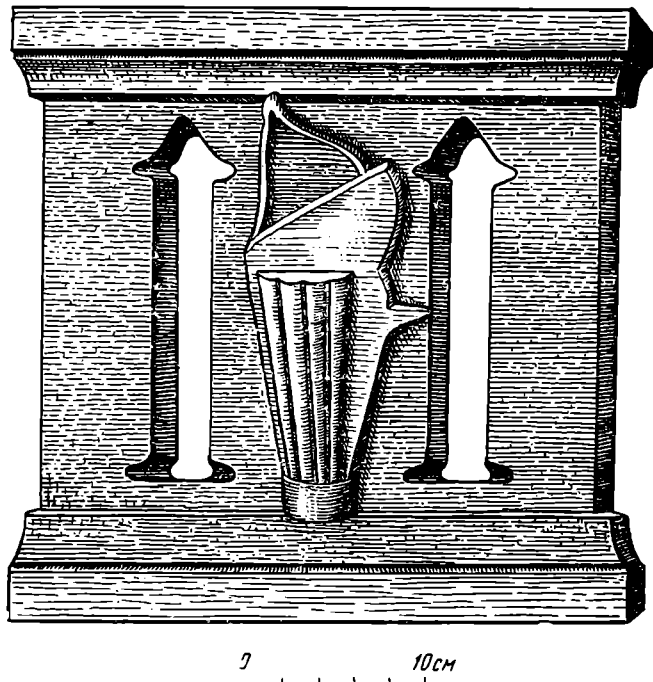

Рис. 2. Терракотовая деталь фриза из Старой Нисы

В 1937 г. Б. Б. Пиотровский и А. А. Марущенко раскапывали городище Гяур-Кала в древнем Мерве и определили культурно-хронологические рамки существования памятников Мургабского оазиса с VI в до н. э. по VII в. н. э. В том же году обследованы южные окраины Кара-Кумов, где в районе колодцев Кызыл-Такыр, Бокурдок, Харджагаз, Беледже, Гельды-Мурад и Готун открыты временные стоянки эпох неолита и бронзы.

Экспедициями Института истории в 1938—1941 гг. была произведена разведка в северной части Туркмении, где за-

регистрировано около 60 средневековых городищ, селений и замков. Установлено, что культурно-земледельческая полоса северных районов в пору античности и средних веков была значительно шире, чем в настоящее время. В 1940 г. А. А. Марущенко произвел обследование пещерного города в районе водохранилища Ташкепри, существовавшего в средние века.

А. А. Марущенко в общих чертах подвел итоги работ этого периода по изучению первобытных памятников. Он сделал выводы, что в эпоху протонеолита в Туркмении человек мог обитать лишь в Кара-Кумах, где была колыбель его культуры⁶. Вместо устаревшей четырехэтапной схемы Р. Пампелли А. А. Марущенко выдвигает новую периодизацию, состоящую из 12 фаз⁷, которую позднее пересмотрел Б. А. Куфтин.

Крупным событием в археологической науке Средней Азии явилась организация в 1937 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР под руководством С. П. Толстова. В 1939 г. Хорезмская экспедиция при участии С. А. Ершова начала работу в Ташаузской области. Она произвела археологические разведки по берегам Аму-Дарьи от Чарджоу до Питняка и вдоль древнего канала Чермен-Яб.

Великая Отечественная война прервала систематические работы по археологическому изучению республики. Однако и в эти годы геологи сначала в прикаспийских районах, а затем в северном и юго-восточном Туркменистане открыли многочисленные памятники каменного века, от палеолита до позднего неолита. Часть этих сборов была затем обработана

⁶ А. А. Марущенко. У истоков культуры, следы протонеолитических культур в Кара-Кумах. «Туркменоведение», 1931, 7—9.

⁷ А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. В кн. «Архитектурные памятники Туркмении», Москва — Ашхабад, 1, 1939.

П. И. Борисовским, который нашел здесь изделия верхнепалеолитического времени⁸.

Таким образом, второй этап послереволюционного периода в развитии археологии Туркмении характеризуется интенсивным обследованием уже известных и выявлением ряда новых памятников. Благодаря энтузиазму археологов и краеведов, сумевших в трудных условиях организовать разведки, постепенно заполнялась археологическая карта Туркмении. Раскопки всюду носили разведывательный характер, а материалы обследований оставались почти неопубликованными.

Краткий обзор археологических исследований Туркменистана в первый период (1917—1946 гг.) свидетельствует о значительном росте научно-исследовательской работы, но эти исследования еще далеко не отвечали требованиям советской исторической науки. Сказывалось отсутствие планомерных работ крупных археологических экспедиций в южном Туркменистане.

Археологические работы на территории северных районов Туркмении возобновились сразу после окончания Отечественной войны. Хорезмская экспедиция в 1946—1947 гг. впервые в советской археологической практике применила авиацию, произвела разведочные работы на северных и юго-западных окраинах Ташаузской области. В 1948 г. выходит в свет фундаментальный труд С. П. Толстова «Древний Хорезм», удостоенный Государственной премии, в котором подведены итоги четырехлетних исследований. В том же году опубликована другая его работа «По следам древнехорезмийской цивилизации», посвященная археологическому изучению Хорезмского оазиса за 10 лет (1937—1947 гг.). В этих трудах С. П. Толстов, опираясь на археологические материалы, восстановил древнюю историю Хорезмского оазиса. Работы, проводившиеся Хорезмской экспедицией в 1950—1966 гг., значительно расширили наше представление о времени заселения низовий Аму-Дарьи, Сары-Камыша и Узбоя и привели к открытию и изучению десятков памятников различных эпох. Она установила, что заселение южных протоков дельты человеком произошло еще в неолите⁹. Результаты работ экспедиции широко известны и получили мировую славу.

В 1946 г. при Туркменском филиале Академии наук СССР организуется Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), возглавляемая М. Е. Массоном, и с этого времени начинается по существу новый период в истории изучения археологических памятников Туркменистана.

Планомерное изучение памятников в Туркмении ведет и сектор археологии Института истории им. Ш. Батырова Академии наук Туркменской ССР, созданный в 1951 г. В 1957 г. в археологическое изучение южного Туркменистана включилась археолого-этнографическая экспедиция МГУ (начальник Г. Е. Марков), которая ведет археологические исследования при участии и консультации сотрудников сектора археологии АН ТуркмССР. Планомерные работы ЮТАКЭ и сектора археологии дали возможность избежать параллелизма в изучении археологических памятников южного Туркменистана.

Изучением каменного века в послевоенные годы (1947—1952 гг.) впервые занялся IX отряд ЮТАКЭ (начальник А. П. Окладников). В Западном Туркменистане он открыл и раскопал ряд замечательных памятников каменного века, в том числе ряд палеолитических стоянок. Полученные данные свидетельствуют о том, что уже в пору палеолита человек жил не только в горных областях Средней Азии, у нынешних Терме-

⁸ П. И. Борисовский. Палеолитические местонахождения в Туркмении. КСИИМК, XVIII, 1947.

⁹ См.: сб. «Низовья Аму-Дарьи. Сары-Камыш. Узбой. История формирования и заселения». М., 1966; Тр. ХЭ, I—V, и десятки статей, опубликованных в различных журналах.

за и Самарканда, но и в пределах аллювиальной равнины Средней Азии у древних берегов Каспийского моря¹⁰.

Многолетние раскопки в Джебельском гроте с его трехметровой толщиной и восемью культурными слоями, давшие богатый инвентарь, послужили базой для изучения мезолита, неолита и бронзы в других районах Туркменистана.

Весьма крупным по своему научному значению было открытие ранне-неолитической мастерской по изготовлению бус из морских раковин и белого известняка (Куба-Сенгир). Пронизки бус, инструменты для их изготовления и другие данные говорят о значительном размахе этого производства. Аналогичные бусы найдены были потом на Узбое и на поселениях подгорной равнины, что свидетельствует о существовании тесного контакта между племенами еще в те отдаленные времена.

В 1957—1960 гг. Г. Е. Марков произвел разведки и раскопки памятников каменного века в Прибалханье и на границе песков Чильмамедкум. Он раскопал неолитическую стоянку Оюклы¹¹. В 1960—1962 гг. на берегу Узоя в районе Ясха Г. Е. Марков обнаружил значительное количество неолитических стоянок. В 1963—1964 гг. этот отряд произвел раскопки в гроте Дам-Дам-Чешме-2, где были вскрыты слои, относящиеся к эпохам мезолита, неолита и бронзы¹².

Работы IX отряда ЮТАКЭ и экспедиции МГУ доказали, что территория южного и юго-восточного Туркменистана была одной из тех областей, где протекал непрерывный процесс развития человеческого общества с древнейших времен до средневековья. Когда в западном Туркменистане люди еще занимались охотой, рыболовством и собирательством, племена, жившие в предгорьях Копет-Дага, перешли уже к производящему хозяйству.

С начала 50-х годов особое внимание было уделено изучению памятников древнейшей земледельческой культуры. Сначала Б. А. Куфтин, а позднее В. М. Массон, руководившие отрядом ЮТАКЭ, в этом деле добились больших успехов. В 1952 г. Б. А. Куфтин побывал почти на всех известных памятниках первобытнообщинного строя, расположенных на подгорной равнине южного Туркменистана, и впервые высказал предположение, что неолитическое поселение Джейтун является памятником оседло-земледельческой культуры¹³. В 1952 г. А. А. Марущенко обнаружил еще один памятник земледельческой культуры неолитического времени (Бамийское поселение) — селище джейтуновского типа на подгорной равнине северо-западного Копет-Дага. Кроме того, он обследовал окрестности Геок-Тепе и обнаружил замечательный памятник древнейших земледельцев и скотоводов — неолитическое поселение Чопан-Тепе. В 1953 г. сектор археологии организовал специальный отряд (начальник С. А. Ершов) для изучения поселения Чопан-Тепе¹⁴.

В 1955 г. создается Каракумский отряд ЮТАКЭ (начальник отряда В. М. Массон, сотрудники И. Н. Хлопин и В. И. Сарияниди). Этот отряд начал широкие раскопки на Джейтуне, поставив перед собой цель конкретно изучить древние комплексы, чтобы на их основе подойти к реконструкции хозяйства и общественных отношений у раннеземледельческих неолитических племен¹⁵. В последующие годы на поселении Джейтун было завершено вскрытие всей площади поселка на уровне вто-

¹⁰ А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1953.

¹¹ Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюклы. ВМГУ, 1961, 3.

¹² Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме-2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, 2.

¹³ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

¹⁴ С. А. Ершов. Холм Чопан-Тепе. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, II, Ашхабад, 1956 б.

¹⁵ В. М. Массон. Южно-Туркменский центр раннеземледельческих культур. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961.

рого строительного горизонта. Поселение состояло из однокомнатных домов, тип которых неизменно повторялся. Каждый дом — квадратный в плане, имел прямоугольный очаг, пристроенный к одной из стен. С обеих сторон очага имелся отгороженный невысокой стеной хозяйственный отсек. Около жилых домов находились дворики и хозяйственные строения.

Своеобразие и яркость полученного материала позволили говорить об особой джейтунской культуре, предшествовавшей по времени культуре Анау I-A. Итоги изучения джейтунского поселения подведены в работах Б. А. Куфтина, В. М. Массона¹⁶, А. А. Марущенко¹⁷, Г. Ф. Коробковой¹⁸, А. И. Шевченко¹⁹ и др.

В 1957—1959 гг. сектор археологии Института истории АН Туркм ССР возобновил раскопки верхнего строительного горизонта Чопан-Тепе (С. А. Ершов) и выявил планировку второго строительного горизонта²⁰. Стратиграфический шурф дал подробную стратиграфию и большой вещевой материал, характеризующий семь периодов в существовании этого поселения.

В итоге всех работ удалось выделить три фазы в развитии неолитической джейтунской культуры, при этом Джейтун и нижние слои Чопан-Тепе относятся к ранней фазе, а верхние слои Чопан-Тепе — к средней.

Для уточнения стратиграфии доанауских памятников в 1960 г. на поселении Баи²¹, а в 1961 г. у южного подножья холма Тоголок-Тепе²² были осуществлены небольшие раскопки. Материалы из Баи полностью соответствуют средней и поздней, а материалы с Тоголок-Тепе — ранней и средней фазе неолитической джейтунской культуры.

Яркий и целостный материал эпохи позднего неолита дали раскопки на поселении Чагыллы-Тепе²³, которое может быть отнесено к средней и поздней фазе джейтунской культуры. Здесь выявлена планировка жилищ второго и третьего строительных горизонтов. Поселок Чагыллы-Тепе, так же как и Джейтун, состоял из отдельных жилых домов с хозяйственными строениями, что дает наглядный пример «стандартной» планировки древних неолитических поселений.

В изучении более поздней земледельческой анауской культуры большая заслуга принадлежит ЮТАКЭ. На материалах Намазга-Тепе Б. А. Куфтин выдвинул новую стратиграфическую схему культуры Анау (1952 г.) взамен устаревшей периодизации Р. Пампелли. По новой классификации история земледельческих поселений расчленялась на шесть культурно-исторических периодов — Намазга I—VI, охватывающих время с V до середины II тысячелетия до н. э. Соотношение стратиграфических колонок Анау и Намазга-Тепе дал В. М. Массон²⁴.

Самый ранний период анауской культуры делится на два типа: Анау I-A и Анау I-B (Намазга I). Для изучения их стратиграфии были зало-

¹⁶ В. М. Массон. Джейтунская культура. Тр. ЮТАКЭ, X; его же. Джейтун и Кара-Тепе. СА, 1957, 1; его же. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии. Изв. АН Туркм ССР, 1, 1960; его же. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. СА, 1962, 3.

¹⁷ А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Тр. ИИАЭ, II.

¹⁸ Г. Ф. Коробкова. Определение функций костяных и каменных орудий с поселения Джейтун по следам работы. Тр. ЮТАКЭ, X.

¹⁹ А. И. Шевченко. К истории домашних животных Южного Туркменистана. Там же.

²⁰ Д. Дурдыев. Итоги полевых работ Сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркм. ССР, 1954—1957 гг. Тр. ИИАЭ, V, Ашхабад, 1959, стр. 7—14.

²¹ О. К. Бердыев. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1963, 4.

²² О. Бердыев. Стратиграфия Тоголок-Тепе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, 1964, 3.

²³ О. Бердыев. Чагыллы-Тепе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. Сб. «Материальная культура Средней Азии и Казахстана», М., 1966.

²⁴ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, 6.

жены шурфы на поселениях Анау (С. А. Ершов, 1952), Монжуклы-Тепе (А. А. Марущенко, 1959), Каушут (А. А. Марущенко и Е. Атагарриев, 1960) и Чакмаклы-Тепе (О. Бердыев, 1963). Слои времени Анау I на поселении Монжуклы-Тепе расположены непосредственно над слоями поздней фазы джейтунской культуры, а на Анау — под комплексами Анау I-Б. С целью выявления планировки поселений времени Анау I-A на Монжуклы-Тепе (А. А. Марущенко, 1960) и на Чакмаклы-Тепе (О. Бердыев, 1965 — 1966) были вскрыты участки верхнего строительного горизонта. Наличие смежных комнат в домах этих поселений указывает на дальнейшее развитие домостроительства. Здесь же впервые встречаются медные изделия и пряслица конусовидной формы из обожженной глины. Находки этих предметов имеют принципиально важное значение, так как появление металла и ткачества до раскопок на Монжуклы-Тепе относили к более позднему времени (Намазга I). Уникальна также каменная мотыга, обнаруженная в верхних слоях Чакмаклы-Тепе.

Керамика периода Анау I-A генетически не связана с керамикой предыдущей джейтунской культуры и последующим периодом Намазга I, отличаясь и от той и от другой лучшим качеством. Это новшество в керамическом производстве, как считают многие отечественные и зарубежные ученые, является этнографической особенностью, связанной с приходом новых племенных групп из Ирана.

Со времени своего образования сектор археологии уделял большое внимание вопросам стратиграфии и хронологической классификации древних культур. Стратиграфические шурфы были заложены более чем на десяти поселениях, имеющих слои времени Намазга I и II. Одним из первых объектов работ такого рода стало Яссы-Тепе, расположенное у с. Каахка. Некоторые памятники были изучены во время разведки горных районов Копет-Дага (А. Ф. Ганялин, 1952)²⁵. К эпохе энеолита отнесены две группы поселений. Первая включает в себя поселки, керамика которых имеет соответствия в памятниках анауского типа подгорной полосы (Карантлы-Токай у аула Караул, Кашлы-Багы у Дешта), вторая — памятники с материалами типа архаического Дахистана (Монжуклы-Тепе у Карры-Кала). На основе имеющихся данных можно предполагать, что горные районы были освоены древними земледельцами и скотоводами в IV тысячелетии до н. э. О. Бердыев, на поселениях Кашлы-Багы и Карантлы-Токай в 1963 г. установил, что на этих местах в пору Намазга I находились небольшие поселки, просуществовавшие сравнительно недолго.

На памятниках времени Намазга I и II, расположенных на подгорной равнине, были заложены стратиграфические шурфы на поселениях Дашлыджи-Тепе у с. Изгант, Гавыч-Тепе у с. Хурман-Кала, Сунча-Тепе у одноименного селения (А. А. Марущенко, 1958) и на Эрк-Кале у с. Беурме (О. Бердыев, 1960). Четкая стратиграфия Дашлыджи-Тепе позволила установить специфические черты керамики, характерной для раннего и позднего этапа времени Намазга I. Керамика раннего этапа характеризуется росписью в виде силуэтных треугольников; для керамики позднего этапа характерной является ленточная роспись.

В 1957—1963 гг. А. А. Марущенко и А. Ф. Ганялин осуществили стратиграфические раскопки на поселениях Намазга-Тепе, Алтын-Тепе, Йылгылы-Тепе и на поселении 102 км автодороги Теджен — Серахс. Последний памятник является самым юго-восточным пунктом энеолитических находок анауского типа. Характерным признаком его является наличие полихромно-расписной керамики, генетически связанной с более ранней керамикой Йылгылы-Тепе. Находки отдельных фрагментов привозной посуды «каратепинского» типа позволяют датировать поселение IV тысячелетием до н. э. По сравнению с периодом Анау в развитом и позднем энеолите (Намазга II и III) встречается значительно меньше кремневых

²⁵ А. Ф. Г а н я л и н. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. ИАН ТуркмССР, 1953, 5, стр. 14—19.

и костяных орудий, тогда как увеличивается количество медных. Наличие большого числа керамических пряслиц свидетельствует о дальнейшем развитии ткачества.

В 1955 г. XIV отряд ЮТАКЭ возобновил свои работы по изучению памятников энеолита и бронзы и приступил к систематическим раскопкам поселений энеолитического Геоксюрского оазиса. Здесь было обнаружено и исследовано девять памятников, в культуре которых можно выделить три периода. Первый из них, Дашлыджинский, является одновременным с периодом Намазга I. Слои этого времени встречены в стратиграфических шурфах на поселении Геоксюр I, Айна-Тепе, Ялангач-Тепе и Акча-Тепе. Второй, Ялангачский, период соответствует раннему времени Намазга II. Слои этого периода встречены на всех поселениях оазиса и этот период является временем наибольшего расцвета его культуры и хозяйства. В Ялангачский период поселение Геоксюр I занимало площадь 10—12 га и, по-видимому, было центром оазиса, вокруг которого группировались более мелкие поселки. Третий, Геоксюрский, период соответствует позднему времени Намазга II и раннему этапу Намазга III. Слои этого времени отмечены, кроме Геоксюра, на Чонг-Тепе и частично на Муллали-Тепе. Отдельно стоящий Хапуз-Тепе относится уже к эпохе бронзы (Намазга IV—V).

В результате широких раскопок памятников Геоксюрского оазиса выяснено, что поселения времени Намазга I и начала Намазга II состояли преимущественно из однокомнатных домов с хозяйственными пристройками, сохраняя в планировке традиции неолитической джейтунской культуры, но в позднюю пору Намазга II появляются многокомнатные дома, отделенные друг от друга улочками и глухими стенами. Огромный фактический материал, полученный на памятниках Геоксюрского оазиса в ходе многолетних работ, позволил дать достаточно полную картину культурно-исторического развития племен юго-восточных Кара-Кумов в эпоху энеолита. С 1960 г. в составе отряда начал работать палеогеограф Г. Н. Лисицына, которая в 1960—1965 гг. провела специальную аэрофотосъемку территории оазиса и геоморфологическое и палеоботаническое наблюдения, позволившие восстановить древнюю гидрографическую сеть и принципы первобытного орошаемого земледелия²⁶. Комплексное изучение Геоксюрского оазиса позволяет говорить о постепенном освоении низовий реки Теджен древнеземледельческими племенами, продвигавшимися из районов селений Меана — Чаача, где имеются более древние поселения. Расселение это, судя по имеющимся данным, началось в пору Намазга I и, видимо, связано с приходом с юга (Иран) монжуклинских племен, которые вытеснили часть обитателей этого района.

Расписная керамика памятников Геоксюрского оазиса, поселений района Меана — Чаача и Серакса показывает самостоятельную линию развития некоторых орнаментов на посуде, различия в керамике поселений подгорной полосы, что дает право говорить о локальных отличиях культур этих двух крупных областей. Результаты раскопок поселений Геоксюрского оазиса даны в работах В. М. Массона²⁷, В. И. Сарияниди²⁸, И. Н. Хлопина²⁹, Г. Н. Лисициной³⁰ и др.

²⁶ Г. Н. Лисицина. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965.

²⁷ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1965; его же. Изучение энеолитических поселений в бассейне Теджена. Изв. ТуркмССР, 5; его же. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, БЗ—8, II, М.—Л., 1962.

²⁸ В. И. Сарияниди. Энеолитическое поселение. Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, X; его же. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, БЗ—8, IV, М., 1965.

²⁹ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Тепе и неолитические земледельцы южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, X; его же. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964; его же. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, БЗ—8, I, М.—Л., 1963.

³⁰ Г. Н. Лисицина. Ук. соч.

В настоящее время Геоксюрский энеолитический оазис изучен полнее и лучше, чем многие другие памятники анауской культуры; кроме того, на его примере важно отметить преимущество сплошного комплексного изучения конкретного микрорайона.

Много было сделано также по изучению памятников эпохи бронзы. Весьма интересные результаты дали работы В. М. Массона на Мисрипанской равнине. Он произвел разведку и небольшие раскопки на Изат-Кули (1951 г.) и Мадау-Тепе (1952—1953 гг.). Материал позволил выделить своеобразную культуру архаического Дахистана эпохи бронзы. В. М. Массон предполагает, что «некоторые сходные формы керамики архаического Дахистана являются более поздним развитием керамических форм астрабадского бронзового века», с одной стороны, и что «генетическим предшественником культуры бронзового века по долинам Сумбара и Атрека, близкая по типу культуре Шах-Тепе — Тюренг-Тепе» — с другой³¹.

Большие раскопочные работы были проведены на поселении Кара-Тепе у Артыка (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.). В 1952 г. его обследовал Б. А. Куфтин, а с 1955 г. там проводит раскопки XIV отряд ЮТАКЭ³². На этом поселении вскрыта значительная часть планировки верхнего слоя (стратиграфический раскоп, углубленный до пятого строительного комплекса, и шурф, прорезавший всю толщу культурных слоев). Здесь обнаружено несколько крупных многокомнатных домов, разделенных между собой узкими улочками, состоящих из нескольких жилых комнат с обогревательными очагами. Кухня и хозяйственные постройки обычно расположены во дворе.

Некоторым своеобразием отличается керамика Кара-Тепе. Появляется черноглиняная лощеная посуда с нарезными узорами в виде волн. В расписной керамике характерно сочетание геометрических мотивов с изображениями козлов, птиц и пятнистых животных.

Большинство памятников эпохи бронзы изучалось сотрудниками сектора археологии (Ак-Тепе, Серманча-Тепе, Безыманный холм и Шор-Тепе, Намазга-Тепе и др.).

На Шор-Тепе открыто 40 помещений (А. Ф. Ганялин, 1958—1959). Намечаются отдельные группы помещений, связанные между собой проходами или же группирующиеся вокруг дворигов, образуя при этом более или менее единый комплекс. Обнаружена оборонительная стена, сооруженная в пору Намазга IV.

Очень важные сведения дали раскопки крупнейших памятников культуры бронзы — Намазга-Тепе и Алтын-Тепе (рис. 3). Для выяснения стратиграфии Намазга-Тепе А. Ф. Ганялин заложил два шурфа. Один из них в центре поселения на месте шурфа ЮТАКЭ 1949—1950 гг., вскрывший только верхние слои памятника, а второй — на южной окраине холма³³. Б. А. Куфтин завершил проходку этих шурфов и на основании полученных материалов выдвинул новую стратиграфию культуры Анау, о чем уже говорилось выше. Раскопки на этом поселении были продолжены в 1953—1957 гг. Выявлено, что в пору Намазга III (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.) размеры поселения увеличиваются, однокомнатные дома, как и на Кара-Тепе, сменяются многокомнатными. Они отделены друг от друга улочками и глухими стенами. В пору Намазга IV получает дальнейшее развитие экономика и культура населения. Наряду с земледелием оно начинает заниматься садоводством (виноград). Появляется гончарный круг. В это время селище превращается в городище.

³¹ В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. Изв. АН ТуркмССР, I, 1953; его же. Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII.

³² В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, X; его же. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. СА, 1962, 3.

³³ А. Ф. Ганялин. К стратиграфии Намазга-Тепе. Тр. ИИАЭ, II, Ашхабад, 1956 г.

Хотя границы его остаются прежними, но в окрестностях появляются, по-видимому, усадьбы, развалины которых имеют ныне вид небольших всхолмлений. Раскопки одного из них обнаружили древнейший в нашей стране водопровод с керамическими желобами ³⁴.

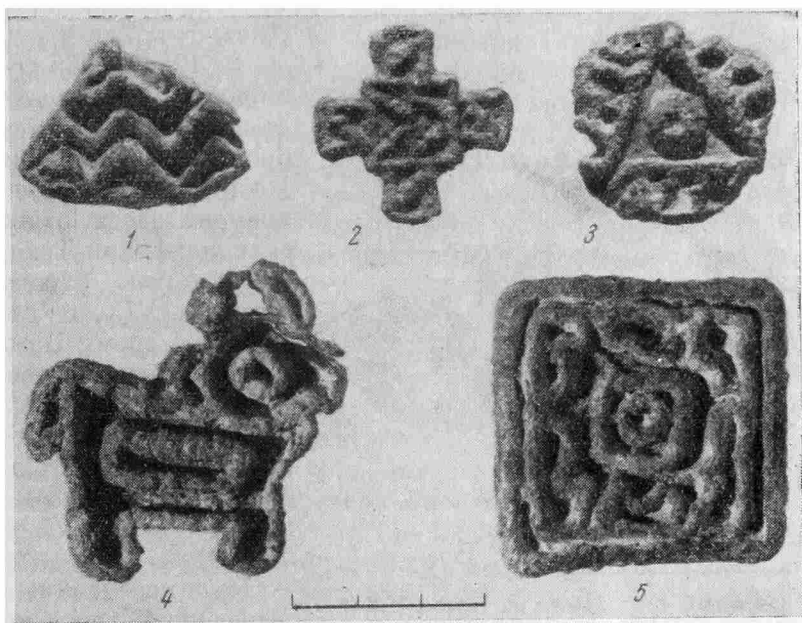

Рис. 3. Печати из поселений эпохи бронзы (1—3 — камень; 4, 5 — бронза)

В пору Намазга V городище переживает время своего расцвета, расширяются его границы. Раскопки на его возвышенной центральной части вскрыли 33 помещения и гончарные горны. Видимо, в свое время здесь находился производственно-жилой комплекс, почти вся керамика этого времени вышла из ремесленных мастерских. Во время раскопок на северо-западной окраине городища обнаружен клад бронзовых изделий.

В последующую пору Намазга VI размеры городища резко сокращаются. Среди керамических материалов конца этого периода встречаются фрагменты грубой керамики, принадлежащей пришлой скотоводческой культуре срубного типа. В конце II тысячелетия до н. э. жизнь на месте городища Намазга-Тепе прекращается. В это же время она прекращается и на крупнейшем городище Алтын-Тепе ³⁵, а позднее и на Текем-Тепе ³⁶ и шести других городищах и поселениях подгорной равнины южного Туркменистана. В результате наступившего экономического кризиса часть населения предгорий переселяется в низовья Мургаба; на подгорной равнине для этого периода известно крупное городище Елкен-Тепе.

Раскопки Елкен-Тепе, начатые А. А. Марущенко в 1953 г., частично продолжались в 1955—1956 гг. ³⁷, при этом выявлены основные элементы планировки и намечено три этапа в его истории: Елкен I (вторая половина II тысячелетия до н. э.), Елкен II (конец II — начало I тысячелетия

³⁴ Д. Дурдыев. Итоги полевых работ Сектора археологии...

³⁵ На Алтын-Тепе производились раскопки сектором археологии в 1953, 1958—1963 гг. и XIV отрядом ЮТАКЭ в 1965—1966 гг.

³⁶ А. Ф. Ганялин. Текем-Тепе. (Раскопки 1952—1953 гг.). Тр. ИИАЭ, II.

³⁷ А. А. Марущенко. Елкен-Тепе. Тр. ИИАЭ, V.

до н. э.) и, наконец, Елкен III (VII—IV вв. до н. э.). В пору Елкен III поселение было окружено новой мощной стеной, а цитадель сильно укреплена. В окрестностях появляются новые усадьбы и селища. Городище Елкен-Тепе с конца II до середины I тысячелетия до н. э. являлось центром подгорной равнины юго-восточного и центрального Копет-Дага.

Рис. 4. Бронзовый светильник из Новой Нисы

В 1954—1955 гг. ЮТАКЭ широко раскапывала древнемаргианские поселения эпохи бронзы и раннего железного века³⁸. К наиболее раннему времени здесь относится поселение Аучин-Тепе, керамика которого близка посуде Намазга VI, и Тахирбай 3 (позднее время Намазга VI). В результате освоения дельты Мургаба там сложилось три земледельческих оазиса: восточный с центром Тахирбай I, центральный — Яз-Тепе и западный — Арвали-Тепе.

На поселении Яз-Тепе выделено три комплекса.

Наиболее древний Яз I относится к предахеменидскому времени (950—650 гг. до н. э.), второй Яз II датируется 650—400 гг. до н. э. и последний Яз III — 400—300 гг. до н. э. Яз-Тепе является крупным доахеменидским памятником с цитаделью. Есть все основания говорить о сложении в Маргиане государственного образования в предахеменидское время. Итогам изучения древнеземледельческой Маргианы посвящено специальное исследование В. М. Массона³⁹.

Одной из основных проблем, выдвинутых ЮТАКЭ, является выяснение на археологическом материале истории Парфии, очень скудно освещенной в письменных источниках. С 1946 г. началось систематическое изучение городища Нисы, находящегося у подножья Копет-Дага (сел. Багир, близ Ашхабада). Археологические раскопки столицы Парфянской державы привели к ряду крупных открытий, ставших всемирно известными (рис. 4).

Археологические исследования выяснили основные черты прошлого Нисы в разные периоды и установили в общих чертах схему исторической топографии города парфянского времени. Его основным ядром является городище Новая Ниса, занимающее до 18 га. Оно было обведено мощной и высокой стеной с башнями. В 1948 г. здесь были найдены шесть первых парфянских документов-остраконов, содержащих сведения о поступлениях с виноградников за разные годы II в. до н. э. На Новой Нисе найдены развалины различных сооружений парфянского времени, стены которых сложены из крупного сырцового кирпича и из пахсы. В архитектурном декоре применялись различные орнаментальные терракотовые плиты. Важны раскопки Старой Нисы — «царского города», в середине которого находились сложившиеся в разное время комплексы дворцовых и храмовых сооружений. Наиболее интересным с архитектурной и археологической точек зрения оказалось основное сооружение, условно названное «квадратным залом» (раскопки 1948—1952 гг.). Было установлено, что

³⁸ В. М. Массон. Древнемаргианское поселение Яз-Тепе. Изв. АН ТуркмССР, 3, 1955.

³⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959.

рядом с залом находилось хранилище сокровищ парфянских царей, где обнаружен замечательный клад предметов из резной и точеной слоновой кости, украшенных высокохудожественной резьбой. Найдены многочисленные парфянские документы из хозяйственного архива II—I вв. до н. э., написанные на парфянском языке разнообразностью арамейского шрифта.

На основе многолетнего труда сотрудников ЮТАКЭ под руководством академика АН ТуркмССР М. Е. Массона была реконструирована более чем двухтысячелетняя история Нисы, являющейся одним из древнейших городов на территории Советского Союза. Кроме Нисы, ЮТАКЭ обследовала несколько городищ парфянского времени: Гатар, Сирок, Апаварктику, Мерв.

Еще в 1947 г. ЮТАКЭ приступила к археолого-топографическому изучению Старого Мерва, одного из замечательных памятников античности в Средней Азии. В 1946—1949 гг. работы ЮТАКЭ здесь носили разведочный характер, а с 1950 г. ему начинают уделять особое внимание. XVIII отряд ЮТАКЭ (начальник М. Е. Массон) ведет постоянную работу на различных объектах городищ Старого Мерва, жизнь на которых началась в пору развитого рабовладельческого общества и продолжалась более 2500 лет. Были намечены контуры Антиохии Маргианской парфянского времени. С цитаделью Эрк-Кала городище Гяур-Кала занимало площадь 3,5 км² и было густо заселено в рабовладельческий период. Установлено, что построенная при парфянах стена Гилякин-Чильбурж огромным кольцом охватывает городской округ площадью до 60 км². В Антиохии Маргианской обнаружены ремесленные кварталы.

При парфянах в Мерве отмечается значительный расцвет сельских земледельческих районов, создаются новые каналы, возникает ряд поселений (типа Гебеклы).

Из античных памятников сектором археологии раскопаны: крепость у Геок-Тепе (Ф. Я. Коске, 1953), городище Хосров-Кала (А. А. Марущенко, Ф. Я. Коске, 1953), Кырк-Тепе (Д. Дурдыев 1955—1957), Куня-Каахка (Д. Дурдыев, 1955), городище Кишман (Д. Дурдыев, 1956—1957), античная усадьба на 20 км автодороги Ашхабад — Бизмеин (Д. Дурдыев, 1960—1962). Установив античный возраст нижних слоев городища Хосров-Кала, А. А. Марущенко считает его древней Апаварктикой, упоминаемой в «дорожнике» Исидора Харакского, а городище Куня-Каахка отождествляет с городом Раау⁴⁰. Раскопки городищ дали обильный материал для воссоздания забытой истории древних городов.

До раскопок Кырк-Тепе считалось памятником ахеменидского времени (VI—IV вв. до н. э.) и рассматривалось как убежище для окрестного населения. Аршакидская монета «маргианского чекана» позволяет датировать крепость позднеантичным временем⁴¹. Раскопки выяснили стратиграфию и конструкцию ее оборонительных стен с башнями, построенных из крупного квадратного кирпича на глинобитном цоколе. В каждой башне было по три стреловидных бойницы и по четыре подобных же бойницы на стене между башнями. Стратиграфический шурф на вершине цитадели показал, что нижние слои городища, мощностью около 4 м, относятся к античному времени, а верхние — к раннему и развитому средневековью.

Городище Кишман было избрано сектором археологии в качестве объекта раскопок потому, что позволяло проследить историю этого памятника, начиная с середины I тысячелетия до н. э. вплоть до средних веков⁴². В 1956 г. близ юго-западного угла крепости был заложен стратиграфический шурф и раскопан участок южной городской стены с пристроенной к ней башней. В 1957 г. были изучены своеобразные конструкции городских стен, городские ворота, а у западной стены крепости раскрыта пла-

⁴⁰ А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г....

⁴¹ Д. Дурдыев. Кырк-Тепе. (Отчет о раскопках 1955—1957 гг.). Тр. ИИАЭ, V.

⁴² Д. Дурдыев. Городище Старого Кишмана. (Отчет о раскопках 1956—1957 гг.). Тр. ИИАЭ, V.

нировка помещения. Стены были защищены многочисленными овальными в плане башнями, выступающими за линию стены. Крепость имеет одни ворота, которые укреплены привратными башнями.

Раскопки рабовладельческой усадьбы в 20 км от Ашхабада выявили общую ее планировку. Главное здание усадьбы, обращенное фасадом на восток, окружено двумя обводами стен, укрепленных башнями, причем углы внутренней стены имеют более мощные башни. Въезд в здание находится в восточной стороне и оформлен в виде крытого айвана размером 12×8 м с расписными стенами. Открыто несколько помещений, со всех сторон окруженных коридорами. Стены некоторых помещений оштукатурены алебастром и окрашены в красные и желтые цвета. Встречаются также фрагменты геометрического орнамента.

Эта усадьба пока является единственным памятником такого рода для античного времени Туркменистана. Параллели в планировке усадьбы с памятниками позднеаршакидского времени северной Месопотамии (дворец Ашшур) позволяют датировать ее I в. н. э.

Курганы античного времени изучались специальным отрядом Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР и сектора археологии Туркменской Академии наук (начальник А. М. Мандельштам).

В 1960 г. в районе Кугитанга на левом берегу Аму-Дарьи обнаружено четыре курганных могильника и ряд тепе в основном античного времени. На одном из них раскопано 26 курганов I в. до н. э. — I в. н. э., при этом получен материал по культуре скотоводческого населения Туркменистана античного времени и вместе с тем установлены связи между погребальными обрядами той эпохи и современного туркменского населения этих мест.

В 1961 г. в районе Чугур А. М. Мандельштам раскопал Мешрепи-Таштинский и Пархайские могильники катакомбного типа. В первом из них найдены наконечники стрел с прямым нижним срезом и кинжалы с прямым перекрестием. Во втором найдены глиняные и алебастровые сосуды, бронзовые серьги и зеркало с небольшим черенком для насадки ручки, глиняные курильницы и другие вещи. Отмеченные находки дают основание датировать оба могильника в пределах I—III вв.

В 1962 г. этот же отряд на Патма-Сае обследовал курганы с погребениями в камерах, которые, судя по остаткам сопровождающего инвентаря, также относятся к античному времени.

В 1963—1964 гг. А. М. Мандельштам вел работы на могильниках Дванак I и II, Чагыл, Каршылык-Кыр, Кызыл-Кыр на Патма-Сай, Караджа-Даг и Алтын-Акар. Основными итогами этих работ является выделение группы своеобразных могильных сооружений с камерой, характерных для античного времени на территории от Больших Балхан до северной границы Туркменистана.

В 1954—1956 гг. С. А. Ершов раскопал оссуарный могильник близ Байрам-Али, который впервые познакомил нас с оссуарными захоронениями на территории южного Туркменистана и дал замечательные находки⁴³. Три стратиграфически четких, последовательно сменявших друг друга горизонта захоронений позволяют изучить эволюцию погребального обряда. При раскопках встречен новый тип оссуариев, некоторые из них, видимо, воспроизводят облик жилищ своего времени (рис. 5). Часть их, украшена рисунками, нанесенными тушью или мелкой пластилкой. Могилы датировали некрополь V—VII вв.

В 1964—1965 гг. А. Губаев раскопал памятник этого периода — замок Ак-Тепе. Этот замок был избран объектом исследования потому, что он не был перекрыт более поздними слоями. Раскопки позволили установить

⁴³ С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али, 1954—1956 гг. Тр. ИИАЭ, V.

планировку, конструкцию оборонительных сооружений и наметить интересную картину его исторического развития. Получены замечательные находки (буллы, монеты, украшения и др.), дающие представление об общем облике культуры населения подгорной равнины южного Туркменистана в пору возникновения феодальных отношений.

Если не считать раскопок А. А. Марущенко в Старом Серахсе (1953 г.), то до начала 1960-х годов сектором археологии памятники развитого и позднего средневековья практически не изучались. И только в 1960 г. Е. Атагарриев начал систематическое изучение средневекового городища Шехр-Ислама. В 1960—1966 гг. здесь были проведены частичные раскопки обеих цитаделей в шахристане, раскрыты хозяйственно-жилые комплексы, часть городской стены и башня, гончарные печи и мастерская в рабаде, проведены раскопки на так называемом «форпосте» по линии водопровода. Кроме того, обследованы окрестности Шехр-Ислама и прслежены караванные пути, ведущие в этот город. Все это является существенным вкладом в изучение средневековой истории Туркменистана (рис. 6).

В 1965—1966 гг. О. Оразов возобновил раскопки Старого Серахса. На цитадели были обнаружены стены трех строительных периодов, построенные из пахсы. Здесь же имеется башня и различные строения. Открыты южные ворота с полукруглыми башнями. Керамика относится к XI—XVI вв. В последние годы для выявления новых средневековых памятников Сектор археологии организовал маршрутные обследования различных районов республики. В 1961 г. К. Адыков обследовал торгово-почтовую магистраль Мерв — Мерверруд и открыл трассу средневекового караванного пути с крупными остановками. В 1962 г. К. Адыков продолжал обследование Мургабского оазиса и выявил 25 средневековых памятников.

В 1960—1962 гг. средневековый отряд археолого-этнографической экспедиции МГУ (начальник С. П. Поляков) продолжил работы по изучению позднесредневековых могильников⁴⁴. Для обследования территории, заселенной в средние века различными туркменскими племенами, этот отряд в 1960—1962 гг. предпринял разведку по северо-западной Туркмении и западному Казахстану. Были обследованы районы к востоку от Карабогазгола, полуостров Мангышлак, южная, западная и центральная части Устьюрта. Большой краниологический материал получен из могильников у колодцев Кукурт, Удек, Кошаба, Ак-Молла, Сульмен, Суйли, Гезли-Ата, Дана-Ата, Кара-Ишам-Ата, у поселка Кудж и Кяриз, а также были изучены средневековые погребения в долинах Сайван, Чендир и Сумбар.

Хорошие результаты получены при изучении памятников феодального периода. Впервые на территории Средней Азии и сопредельных стран —

Рис. 5. Оссуарий из байрамалийского некрополя

⁴⁴ Г. Е. Марков. Средневековое кладбище Ак-Тепе. Тр. ИИАЭ, V.

Рис. 6. Бронзовый котел из Шехр-Ислама (XII — начало XIII вв.)

Персии и Афганистана, подверглись детальному исследованию средневековые караванные торговые пути⁴⁵. При изучении исторической географии обнаружен и отождествлен с названиями, упоминаемыми в арабских сочинениях, не только ряд городов, но даже мелких селений⁴⁶.

Много сделано для понимания культуры Туркменистана в IX—XIV вв. Например, в Мерве, на городище Шехр-Исламе найдены большие вещественные материалы для суждения об уровне гончарного производства⁴⁷.

Архитектурный отряд ЮТАКЭ (начальник Г. А. Пугаченкова) всесторонне изучает историко-архитектурное наследие южного Туркменистана. Новые материалы по истории архитектуры уже получили научное обобщение⁴⁸.

Разумеется, изложенное выше не исчерпывает все достижения научно-исследовательских работ в археологии за годы Советской власти, но тем не менее сказанное характеризует объем и интенсивность археологических исследований. В послевоенные годы был добыт и опубликован материал, в несколько раз превосходящий все то, что было сделано за много десятков лет предшествующего археологического изучения республики. Показательно, что за это время вышло в свет три выпуска «Материалов»

⁴⁵ М. Е. Массон. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннах. Тр. ЮТАКЭ, XIII, Ашхабад, 1966.

⁴⁶ М. Е. Массон. Обнаружение средневековых городищ Харакс и Саусакана в области Мерва. Изв. АН ТуркмССР, 3, 1965.

⁴⁷ С. М. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начале XIII вв. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962; Е. Атагарриев. Новые данные по истории Шехр-Ислама. Изв. АН ТуркмССР, 3; его же. Средневековое городище Шехр-Ислам. Автореф. канд. дис., М., 1967.

⁴⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, М., 1958.

и тринадцать томов «Трудов» ЮТАКЭ, два тома «Трудов» сектора археологии и сотни статей, опубликованных в трудах Хорезмской экспедиции, в различных сборниках и журналах, издаваемых в СССР и за рубежом. В печатных изданиях и научных архивах Института археологии и Хорезмской экспедиции Академии наук СССР, ЮТАКЭ и секторе археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР содержатся сведения, описания и материалы многочисленных раскопанных объектов.

Археологи Туркменистана прилагали все усилия, чтобы обработать и ввести в историческую науку максимальное количество новых материалов. Вклад, сделанный археологами в изучение прошлого Туркменистана, чрезвычайно велик. В «Истории Туркменской ССР» разделы, посвященные первобытному и рабовладельческому обществам, в значительной мере строятся на археологическом материале, который также широко используется и для периода феодализма.

В настоящее время археологи республики, совместно с учеными Москвы, Ленинграда и Ташкента приступили к созданию археологической карты Туркменистана. Распоряжением Совета Министров республики была создана специальная комиссия по составлению такой карты, в состав которой вошли видные ученые. Археологические карты имеют большое значение в обобщении и систематизации накопленных материалов, планировании археологических работ. Особенно велико научное значение археологических карт для исследовательских работ и исторических выводов (уточнения этапов распространения памятников в отдельные исторические периоды, вопрос этногенеза, исторической географии и топографии). Намечено поэтапное развитие этой работы, создание сводной картотеки на базе опубликованных и архивных материалов, целевые и региональные маршрутные обследования, подготовка и издание карты-атласа с описанием источников, исчерпывающей библиографией и иллюстрациями.

В последние годы много сделано для популяризации исторических памятников. Археологи республики опубликовали ряд популярных статей в прессе, выступали по радио и телевидению, читают лекции в колхозах, совхозах и на предприятиях, разъясняют значение археологических памятников населению, в результате чего растет интерес к археологии.

Краеведческие организации, историко-археологический кружок Туркменского государственного университета им. А. М. Горького и общество «Юный историк» Дворца пионеров провели сплошное обследование окрестностей Ашхабада. В школах республики создаются историко-археологические музеи. С целью привлечения общественности к охране памятников истории и культуры, постановлением ЦК КПТ и Совета Министров Туркменистана было создано Республиканское добровольное общество охраны памятников. Уже состоялся первый съезд общества. Председателем правления избран председатель Президиума Верховного Совета республики А. Клычев. С первых шагов общество стало приобретать широкую популярность в городах и районах Туркменинии. Достаточно отметить, что в ряды общества юридическими членами вступило более 500 учреждений, предприятий промышленности и сельского хозяйства, учебных заведений, а число индивидуальных членов достигло 150 тысяч человек. Для популяризации исторических памятников был учрежден журнал «Памятники Туркменистана», на страницах которого будут печататься сообщения о новых открытиях археологических экспедиций, находках любителей-краеведов. Научные знания о памятниках истории Туркменистана станут достоянием народа. Широкая популяризация памятников истории и культуры привлечет к этому делу внимание многих тысяч людей, что, несомненно, будет содействовать новым научным открытиям.